

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
Вестник
международный научный журнал

6
2026

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 6 (58) / 2026

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

При оформлении обложки использована картина Винченцо де Стефани «Обвинение».

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Генин В.Н., Стародубцев Е.Э.

Теоретико-правовые идеи Ч. Беккариа как стандарты российской уголовной юстиции XXI века 1

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Дегтярев Д.Д.

Генезис машиночитаемой доверенности 5

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Спирягин И.А., Шералиев Р.К.

Цифровая трансформация налогового контроля 8

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Корчагина М.В., Цветкова У.А.

Право прокурора на оспаривание решений и определений третейского суда в гражданском процессе: пределы, основания и проблемы реализации 10

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Корягин В.А.

Особенности расторжения трудового договора с работником — руководителем организации, его заместителем, главным бухгалтером при отсутствии их виновного поведения 12

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Дерябина Е.С.

Воспрепятствование при оказании медицинской помощи 17

Егорова А.Д.

Криминологическая характеристика личности современного преступника-террориста, её особенности 18

Пирогова Д.А.

Роль органов прокуратуры в выявлении латентной преступности на современном этапе 20

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Курков М.А.

Влияние различий в государственной стандартизации нарезного огнестрельного оружия на идентификацию по следам на пулях и гильзах 23

Магель В.С., Пожиткова А.А. Пределы доказывания в уголовном процессе: баланс между полнотой исследования и принципом разумных сроков	27
Петухов А.А. Координационная и аналитическая работа прокуратуры как инструмент системной профилактики процессуальных нарушений	29
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	
Сафин Д.А. Порядок привлечения иностранных лиц к субсидиарной ответственности в России при трансграничном банкротстве	33

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Теоретико-правовые идеи Ч. Беккариа как стандарты российской уголовной юстиции XXI века

Генин Владислав Николаевич, студент;

Стародубцев Евгений Эдуардович, студент

Научный руководитель: Желдыбина Татьяна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Данная статья посвящена исследованию влияния теоретико-правовых идей Чезаре Беккариа, изложенных в трактате «О преступлениях и наказаниях», на формирование и современное состояние российской уголовной юстиции. В ходе анализа обосновывается преемственность идей Беккариа в принципах, базовых началах и отдельных положениях российского конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: Чезаре Беккариа, уголовная юстиция, принципы уголовного права, гуманизм, законность, соразмерность наказания, презумпция невиновности, смертная казнь, цели наказания, российское уголовное законодательство.

Чезаре Беккариа (итал. Cesare Beccaria, 1738–1794) — один из наиболее известных итальянских мыслителей, просветитель, юрист, публицист. Результатом научно-изыскательных размышлений Беккариа о «несовершенстве существующей системы карательной деятельности государства» стал трактат «*Dei delitti e delle pene*» — «О преступлениях и наказаниях», впервые опубликованный в 1764 году. П. Я. Левенсон говорил о нем как об «увлекательном протесте возмущенной общественной совести против бесчеловечной уголовной репрессии» [1, С. 20].

Теоретические положения, разработанные Ч. Беккариа еще в XVIII веке, в своей совокупной системе предопределили «классическое» доктринальное и законодательное понимание права преступлений и наказаний в целом, а также об их сущности, взаимосвязи, системе, видах в частности. Авторские идеи представили собой базовые начала (принципы) разрешения уголовно-правового спора в форме судопроизводства и концептуальные основы исправительно-пенитенциарной системы.

В. С. Овчинский справедливо отмечал, что «манифест правового гуманизма» не устарел и в XXI веке [2, С. V]. Предложенные Ч. Беккариа учения стали идеологической основой современного демократического уголовного процесса, уголовного и уголовно-исполнительного права, научных положений о преступлениях, преступности и их превенции. Авторские воззрения наивеличайшего итальянского мыслителя в практическом смысле явили стандарты современной российской уголовной юстиции и нашли свое развитие в положениях действующей Конституции Российской Федерации, российского

уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

В сфере научных изысканий Беккариа вопрос источника права о преступлениях и наказаниях занимает важное место. Вывод мыслителя о том, что «только законы могут устанавливать наказания за преступления и что власть их издания может принадлежать только законодателю» явил определенный стандарт системы уголовного законодательства [3]. В российской правовой системе он находит свое непосредственное проявление в принципе законности уголовного права, установленном ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), и конституционно-правовом механизме организации российского уголовно-законодательного процесса, учрежденного Конституцией Российской Федерации [4; 5]. Так, в российской правовой действительности единственным источником юридических положений, определяющих преступность, наказуемость тех или деяний, вопросы применения иных мер уголовно-правового воздействия, выступает действующий Уголовный кодекс РФ.

Следует отметить, центральное место идеологической системы Ч. Беккариа занимает теория уголовного наказания: их социальная и юридическая природа, система, механизм назначения и справедливое соответствие совершенным преступлениям.

Следующий вывод из размышлений Беккариа о происхождении и праве наказаний, указывающий на непротиворечивость жестокости наказаний общему благу и системе предупреждений преступлений, но ее бесполезность и несправедливость, способствовал формированию общего начала о гуманизме наказаний и иных мер

уголовно-правового характера, связанного с недопустимостью их применения в целях причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ) [2, С. 92].

Вопросы соразмерности применяемых наказаний совершенным преступлениям многие десятилетия остаются одними из самых актуальных и сложных как в теории, так и в практике уголовного правоприменения. Ч. Беккариа в своем трактате неоднократно поднимает вопрос об искомой соразмерности уголовного наказания и, рассматривая вопросы о степени общественной опасности преступных деяний и целях уголовной репрессии, формулирует определенное правило: «для достижения цели наказания достаточно, чтобы зло наказания превышало выгоду преступления», но все, «что свыше этого, является излишним и, следовательно, тираническим» [2, С. 130].

Рассуждая о том, в чем состоят собственно опасность деяний, называемых законом преступными, и необходимость применения наказаний Ч. Беккариа указывает на необходимость установлении «лестницы нарушений порядка», то есть дифференциации преступных деяний в зависимости от объекта их посягательства и как следствие — их общественной опасности как базового ориентира к определению вида и размера уголовного наказания [6]. Вместе с тем, по его мнению, высшей ступенью данной лестницы образуют те деяния, «которые разрушают само общество, низшую — самое незначительное, какое только может быть, нарушение прав частного лица» [2, С. 102]. Конечно же, предлагаемая Беккариа градация опасности преступных деяний с учетом современного многообразия форм индивидуального или коллективного поведения представляется несколько тривиальной примитивной. Однако предлагаемое мыслителем общее понимание о дифференциации степени общественной опасности преступлений легло в основу современного российского уголовного законодательства и проявляется в юридико-технической организации уголовного закона, нормативное изложение правовых норм о преступлениях в зависимости от общности видовых, родовых и типовых объектов преступного посягательства; в категоризации преступлений — преступлений небольшой, средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений; возможности применения различных уголовно-правовых механизмов и конструкций — невозможность лишения свободы за совершенное впервые преступление небольшой тяжести, освобождение от уголовной ответственности, наказания и др.

Вместе с тем, реальное социальное и юридическое значение национальной уголовной политики состоит в задачах, разрешаемых применением уголовно-правовых норм и институтов в контексте реализации конкретно обозначенной цели. Целевая необходимость назначения и применения уголовных наказаний и есть материя, отражающая смысл функционирования государственной уголовной юстиции. Беккариа впервые на уровне правовой доктрины обратил внимание на должную цель наказаний, состоящую исключительно в том, чтобы «воспрепятство-

вать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же» [2, С. 109]. Итальянский правовед не примирился с исключительно карательным содержанием уголовной репрессии, указав на их должную приоритетную исправительно-превентивную составляющую. Российское уголовное и уголовно-исполнительное законодательство принимает данную парадигму как стандарт применения мер уголовно-правового воздействия, закрепляя помимо указанных целей применения наказаний — восстановление социальной справедливости и исправление осужденного (ч. 2 ст. 43 УК РФ, ч. 1 ст. 1, ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ) [4; 7]. Это и отражает наивысшую общественную ценность уголовного закона не как «карателя», но как «справедливого воспитателя».

Особое место в теории уголовного наказания Беккариа занимают вопросы «высшей меры». Доказательство того, «что смерть ни полезна, ни необходима», итальянский мыслитель считал выигрышем «дела человечества» [2, С. 132]. Представленное правоведом переосмысление сущности смертной казни явилось определенным стандартом, признаваемым международным сообществом. На сегодняшний день вопросы целесообразности, необходимости и применимости смертной казни представляются наиболее из обсуждаемых проблем в доктрине национального уголовного права [8]. Современная российская уголовно-правовая действительность такова: уголовный и уголовно-исполнительный законы полагают смертную казнь в системе наказаний (п. «н» ст. 44, ст. 59 УК РФ; ст. 184–186 УИК РФ в части порядка исполнения наказания в виде смертной казни), однако в настоящее время данная исключительная мера наказания не подлежит применению впредь до ее отмены — следует из официальной правовой позиции Конституционного Суда РФ [9]. Но объективности ради стоит сказать, что Беккариа все же допускал справедливой и необходимой смертную казнь исключительно при обстоятельствах, когда «нация возвращает или теряет свою свободу, или во время анархии, когда беспорядок заменяет законы» либо «если только смерть не будет действительным и единственным средством удержать других от совершения преступления» [2, С. 132]. К счастью, такие обстоятельства, оправдывающие по Беккариа смертную казнь, при современном уровне развития превентивно-правоохранительной системы являются труднообразимыми.

Значение идеолого-теоретических заключений классика правовой доктрины не были бы столь великими, если бы они ограничивались исключительно вопросами материального уголовного права. В сферу научных изысканий Ч. Беккариа были включены наиболее принципиальные вопросы государственной уголовно-процессуальной деятельности и преследования. Его отдельные тезисы, безусловно, повлияли на формирование ключевых принципов национального демократического уголовного процесса.

Беккариа говорит о том, что «никто не может быть преступником, пока не вынесен обвинительный приго-

вор» [2, С. 114]. Данный принцип российского уголовного судопроизводства — составляющая презумпции невиновности, закрепленный ч. 1 ст. 49 Конституции РФ и ч. 1 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), определяет природу, характер и состязательность досудебного и судебного производства.

Противным законному и справедливому разбирательству Беккариа считает пытки: «если же преступление не доказано, то нельзя истязать невинного», «если доказано, то за него можно назначить только то наказание, которое установлено законом, и пытка является бесполезной, потому что сознание преступника излишне» [10]. Проблемы пыток со стороны органов преследования и сегодня является не менее актуальной проблемой уголовной юстиции вне национальной принадлежности. Российский уголовно-процессуальный закон провозглашает принципиальный запрет применения насилия, пыток и другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения не только к обвиняемому, но и ко всем участникам судопроизводства (ч. 2 ст. 9 УПК РФ) [11].

Полагаемая Беккариа публичность уголовного суда как его необходимой формы явила стандарт (согласно уголовно-процессуальному закону — общее условие) гласности российского уголовно-судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ), «чтобы народ мог сказать: мы не рабы, мы имеем защиту» [2, С. 113].

Вопросы срочности судопроизводства, по Беккариа, очевидно, требовали переосмысления. «Определенные сроки как для защиты, так и для доказывания преступ-

лений должны быть указаны законом», но «срок должен быть настолько непродолжителен, чтобы не пострадала незамедлительность наказания» [2, С. 139]. Разумные сроки судопроизводства также являются одним из наиболее значимых вопросов судебного процесса и наши дни. Российский уголовно-процессуальный закон указывает на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок как на его базовое начало, обеспечивая вместе с тем и право человека на доступ к правосудию (ст. 6.1 УПК РФ) [11].

Помимо вышеуказанных и иные теоретико-правовые идеи Чезаре Беккариа нашли свое развитие на уровне российского уголовно и уголовно-процессуального законодательства: о сроках давности уголовного преследования, о механизме оценки «улик», свидетельских показаниях и другое.

Указанное позволяет сделать вывод о несомненной состоятельности и чрезвычайной актуальности авторской правовой парадигмы великого итальянского мыслителя даже по прошествии более двух столетий с ее формирования. Многие проблемы, указанные Беккариа, конечно же, учтены и формально-юридически разрешены современным законодателем, но в практике правоприменения все же имеют место. Преодоление данных и иных проблем представляется абсолютно нецелесообразным и невозможным в условиях необоснованного манкирования историко-правового опыта, верифицированного всеобщим законодательным признанием и глубоким доктринальным осмыслением.

Литература:

1. Левенсон П. Я. Беккариа и Бентам: их жизнь и общественная деятельность: биографические очерк П. Я. Левенсона: с портретами Беккариа и Бентама, гравированными в Лейпциге Геданом. — Санкт-Петербург: типогр. высочайше утвержд. товарищ. «Обществ. польза», 1893. — 94 с., [1] л. портр.: 18 см — (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова).
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. — Москва: ИНФРА-М, 2026. — VI, 183 с.
3. Исупова Е. А., Гаврилова Ю. А. Правовые взгляды Беккариа // Концепт. 2019. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-vzglyady-bekkaria> (дата обращения: 10.05.2026).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
6. Герасимова Д. А. Уголовно-правовые воззрения Чезаре Беккариа и Иеремиа Бентама // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-vozzreniya-chezare-bekkaria-i-ieremia-bentama> (дата обращения: 11.05.2026).
7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025) // Собрание законодательства РФ», 13.01.1997, N 2, ст. 198
8. Парог А. И. Еще раз о смертной казни // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-smertnoy-kazni> (дата обращения: 11.05.2026).
9. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 N 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П...» // Собрание законодательства РФ, 30.11.2009, N 48, ст. 5867.

10. Сыч В. К. Фундаментальные идеи Ч. Беккариа и становление классической школы уголовного права // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-idei-ch-bekkaria-i-stanovlenie-klassicheskoy-shkoly-ugolovnogo-prava> (дата обращения: 11.05.2026).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Генезис машиночитаемой доверенности

Дегтярев Даниил Дмитриевич, аспирант

Московский инновационный университет

Статья посвящена генезису и анализу правовой природы машиночитаемой доверенности (МЧД) как инструмента делегирования полномочий в условиях цифровизации и юридического документооборота в Российской Федерации. Автор прослеживает эволюцию института доверенности от бумажной формы до структурированного машиночитаемого документа, фиксирует предпосылки его возникновения, Особое внимание уделяется дуалистической природе МЧД. В статье обосновывается тезис о необходимости создания «цифрового коллизонного права» — механизма разрешения конфликтов между правовой нормой и техническим алгоритмом. В заключении формулируется предложение о создании цифровых посредников, необходимых для систематизации, легитимации и нормативно-правовой гармонизации переходного периода между динамически меняющимся настоящим и будущим в области эволюции традиционных правовых институтов в новой цифровой среде.

Ключевые слова: доверенность, машиночитаемый формат документов, машиночитаемая доверенность, электронная подпись, электронный документооборот, представительство, блокчейн, цифровой посредник.

Введение

Институт доверенности как инструмент делегирования полномочий известен с XVI века. Долгое время он существовал исключительно в бумажной форме, а проверка подлинности и объёма полномочий осуществлялась человеком. В ходе развития информационных технологий и цифровизацией всех сфер жизни, появление электронной доверенности оставалось лишь вопросом времени. Принятие закона об электронной подписи [7], создавшего правовую основу для придания юридической силы электронным документам, поспособствовал заложению структуры машиночитаемой доверенности. Однако ключевой предпосылкой появления машиночитаемой доверенности стала потребность в новом механизме подтверждения полномочий представителя, совместимом с автоматизированными системами и общее развитие концепции машиночитаемых документов. Кроме того, сертификаты усиленной квалифицированной электронной подписи на сотрудников юридических лиц перестали выдаваться. А. А. Перевозкин подчёркивает, что машиночитаемый документ предполагает представление данных в структурированном виде, что позволяет программе непосредственно обрабатывать его содержание, в отличие от электронного образа бумажного документа [5]. Именно эта идея была положена в основу МЧД. В литературе отмечается особый путь развития данного института в отечественном правовом порядке [1].

Официальное введение машиночитаемой доверенности в российское законодательство связано с поправками в Федеральный закон № 63-ФЗ [7] и последующими подзаконными актами. С 1 января 2022 г. представитель юри-

дического лица, не являющийся руководителем, обязан подписывать документы своей личной УКЭП с обязательным приложением МЧД. Единые требования к формату установлены Приказом Минцифры России от 18.08.2021 № 857 [6]: доверенность создаётся в виде XML-файла, содержащего структурированные сведения о доверителе, представителе и перечне полномочий. Как разъясняет ФНС России, «машиночитаемая доверенность (МЧД) — это электронная доверенность на подписание документов или совершение действий, которая сформирована в виде понятного компьютеру документа» [9].

В 2023 году ФНС России создала «Единое блокчейн хранилище машиночитаемых доверенностей (МЧД) — распределенный реестр ФНС России» [9]. Данный сервис позволяет пользователям создавать МЧД, проверять их статус, отзываться и загружать на хранение в распределённый реестр. Как отмечает О. Э. Горина, внедрение технологий МЧД отражает растущий в обществе интерес к автоматизации и цифровизации юридических процессов [2].

Как показывают исследования, российское регулирование отличается значительно более высокой степенью проработки в отличие от зарубежного законодательства: утверждены единые форматы, классификатор полномочий, централизованный реестр на базе технологического блокчейна. Данное обстоятельство создаёт предпосылки для быстрого массового внедрения МЧД, однако порождает проблемы излишней формализованности.

Несмотря на то, что внедрение такого института, как МЧД прогресс, внедрение указанных доверенностей выявило системные проблемы, связанные с взаи-

модействием права и технологий. Ю. С. Куликова проводит анализ противоречий между нормами гражданского законодательства, устанавливающими исчерпывающий перечень оснований прекращения доверенности, и техническими реализациями систем проверки МЧД на государственных порталах, которые де-факто вводят дополнительное основание для отказа в признании доверенности действительной [4]. На практике МЧД, подписанные УКЭП, срок действия сертификата которой истёк, зачастую не принимаются государственными органами и контрагентами.

ФНС России официально разъяснила: «если срок действия квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи директора организации... закончился, сама доверенность не утрачивает силу» [10; 11]. Ведомство подчёркивает, что исчерпывающий перечень оснований прекращения доверенности, установленный ст. 188 ГК РФ, не содержит такого пункта, как истечение срока действия КЭП. Однако на практике контрагенты зачастую отказываются принимать такие МЧД, и единственной рекомендацией ФНС остаётся переоформить доверенность [10].

Дополнительные трудности связаны с отсутствием единых форматов, юридическими коллизиями при передаче и несовершенством классификаторов полномочий. В. С. Калашников и Е. Г. Ткачева обращают внимание на необходимость унификации форматов и интеграции блокчейн-технологий для повышения доверия к системе [3]. В сфере электронной коммерции выявлены проблемы регулирования МЧД, препятствующие развитию института электронной подписи [8].

Научное сообщество предлагает ряд мер по преодолению существующих проблем. В. С. Калашников и Е. Г. Ткачева обосновывают необходимость унификации форматов МЧД для различных государственных органов и интеграции блокчейн-технологий [3]. В сфере электронной коммерции выработаны обоснованные предложения по устранению проблем, связанных с применением МЧД [8].

Более широкая перспектива связана с развитием концепции «машиночитаемого права», в рамках которой МЧД рассматривается как один из элементов экосистемы автоматизированного правоприменения. Исследования в этой области показывают, что машиночитаемость права зависит от уровня развития информационных технологий и не может выйти за рамки их ограничений [12]. Дальнейшее развитие технологий может привести к созданию машиночитаемых нормативных правовых актов, взаимодействующих с МЧД в единой цифровой среде [5].

Заключение

Проведённый анализ научных источников о генезисе машиночитаемой доверенности позволяет прийти к следующим выводам. МЧД находится в уникальном положении: с одной стороны, она является юридическим документом и действующим на основании Гражданского кодекса Российской Федерации. С другой стороны, «жизненный цикл» доверенности, состоящий из ее создания,

подписания УЭКП, внесения в реестр и т. п. полностью связан с техническими алгоритмами и соединениями. То есть мы попадаем в ситуацию, когда сущностное значение института полномочий определяется императивно действующим законодательством, а технический аспект в виде непосредственного процесса создания, хранения и использования машиночитаемой доверенности подчиняется совершенно другим законам. Коллизия, выявленная Ю. С. Куликовой [4] и подтверждённая разъяснениями ФНС [10; 11], доказывает дуалистическую природу машиночитаемой доверенности.

Примечательно, что эксперты характеризуют МЧД как явление, демонстрирующее особый путь развития в отечественном правовом порядке [1]. Российский подход отличается жёсткой централизацией и обязательностью. Парадоксальным образом технологическая изоляция не помешала созданию наиболее развитой в мире нормативной базы МЧД, что безусловно характеризует машиночитаемую доверенность как следствие отечественного технологического суверенитета.

Внедрение и использование МЧД требует переосмысления самого понятия «юридический документ» [5], в особенности в связке с развитием платформенных систем различных операторов.

Ключевая проблема, на наш взгляд, состоит в отсутствии правового механизма разрешения конфликтов между юридической нормой и техническим алгоритмом. Когда ФНС разъясняет, что доверенность продолжает действовать, но рекомендует её переоформить [10; 11], это фактически означает, что техническая реальность приоритетнее правовой. Представляется, что дальнейшее развитие МЧД потребует создания своеобразного «цифрового коллизионного права» — системы норм, определяющих, какая логика (правовая или техническая) имеет приоритет в конкретных ситуациях цифрового документооборота.

Проведённый анализ позволяет предположить, что МЧД может положить начало цифровой трансформации самого института правосубъектности. Если традиционная доверенность предполагает личное доверие между физическими лицами, то МЧД в блокчейн-реестре представляет собой деперсонализированное, алгоритмически проверяемое делегирование полномочий, которое в перспективе может осуществляться не только между людьми, но и между автоматизированными системами. Это ставит перед юридической наукой фундаментальный вопрос о границах представительства в эпоху, когда «представителем» может выступать программный код [12]. Одним из способов систематизации, легитимации и нормативно-правовой гармонизации (регулирования) переходного периода между динамически меняющимся настоящим и будущим в области эволюции традиционных правовых институтов в новой цифровой среде могли бы стать новые правовые субъекты — цифровые посредники, включенные в специальный реестр, аккредитованные соответствующим образом, призванные синергировать правовые институты с математическими моделями наряду с экспериментальными правовыми режимами.

Литература:

1. Березина Е. А. Опыт внедрения машиночитаемого формата юридических документов в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 62–73. URL: <https://pravgos.ru/article/view/2024.3.8>
2. Горина О. Э. Машиночитаемая доверенность как элемент электронного документооборота // Финансово-кредитные отношения и бухгалтерский учёт. 2024. № 1. DOI: 10.54220/v. rsue. 1991–0533.2024.1.85.014
3. Калашников В. С., Ткачева Е. Г. Современные проблемы применения машинных доверенностей и способы их решения // Кибернетика и информационные науки. 2024. УДК 004.056.55:340.13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-problemy-primeneniya-mashinnyh-doverennostey-i-sposoby-ih-resheniya>
4. Куликова Ю. С. Машиночитаемые доверенности: коллизия между правовой природой и технической реализацией // Молодой учёный. 2026. № 1 (604). С. 104–107. URL: <https://moluch.ru/archive/604/132186>
5. Перевозкин А. А. Машиночитаемые юридические документы: понятие и виды // Юрислингвистика. 2025. URL: [https://legallinguistics.ru/article/view/\(2025\)3609](https://legallinguistics.ru/article/view/(2025)3609)
6. Приказ Минцифры России от 18.08.2021 № 857 «Об утверждении единых требований к формам доверенностей, необходимых для использования квалифицированной электронной подписи»
7. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (с изм. и доп.)
8. Применение машиночитаемых доверенностей для развития института электронной подписи // Право и бизнес. 2024. № 3. С. 39–43. DOI: 10.18572/2712–8865–2024–3–39–43
9. Единое блокчейн хранилище машиночитаемых доверенностей (МЧД) — распределенный реестр ФНС России // Официальный сайт ФНС России. URL: <https://m4d.nalog.gov.ru/emchd>
10. ФНС рассказала о сроке действия доверенности с электронной подписью // Право. ру. 27.07.2023. URL: <https://pravo.ru/news/247706/>
11. Можно ли применять МЧД, если истек указанный срок действия КЭП директора организации // Бух.ру. 27.07.2023. URL: <https://buh.ru/news/mozhno-li-primenyat-mchd-esli-istek-ukazannyi-srok-deystviya-kep-direktora-organizatsii.html>
12. Донгак Ш. Б. Машиночитаемое право: способы реализации: магистерская диссертация. НИУ ВШЭ, 2025. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/1046121320>

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Цифровая трансформация налогового контроля

Спирягин Иван Александрович, студент;
Шералиев Раиль Комилжонович, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Современный этап развития государственности характеризуется глубокой цифровой трансформацией ключевых сфер публичного управления, среди которых особое место занимает налоговое администрирование. Развитие цифровой экономики, стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий и увеличение объёма электронных финансовых операций обусловили необходимость модернизации традиционных механизмов государственного финансового контроля. В этих условиях налоговый контроль постепенно трансформируется из преимущественно проверочной деятельности в сложную систему непрерывного анализа данных, профилактики налоговых правонарушений и дистанционного взаимодействия государства и налогоплательщиков.

Налоговый контроль традиционно рассматривается как деятельность уполномоченных государственных органов, направленная на обеспечение соблюдения законодательства о налогах и сборах, правильности исчисления налогов и полноты их уплаты. Его правовые основы закреплены в Налоговом кодексе Российской Федерации. Согласно статье 82 Налогового кодекса РФ налоговый контроль осуществляется налоговыми органами в целях обеспечения соблюдения законодательства о налогах и сборах [1]. Данное положение отражает фундаментальное значение налогового контроля для функционирования финансовой системы государства и формирования доходной части бюджета.

Налоговый кодекс закрепляет широкий спектр полномочий налоговых органов, включая право запрашивать документы, получать объяснения налогоплательщиков, проводить проверки и использовать информационные ресурсы. В частности, статья 31 Налогового кодекса предусматривает право налоговых органов требовать представления документов и сведений, необходимых для осуществления контроля, а статьи 93 и 93.1 закрепляют возможность их представления в электронной форме [1]. Таким образом, уже на уровне нормативного регулирования прослеживается устойчивая тенденция к цифровизации налогового контроля и развитию электронного взаимодействия между государством и налогоплательщиками.

Развитие налогового права в современных условиях тесно связано с внедрением цифровых технологий. В научной литературе отмечается, что налоговый контроль является важнейшим элементом механизма реализации налоговой политики государства и обеспечивает баланс публичных и частных интересов. По мнению С. Г. Пепеляева, современное налоговое администрирование развивается в направлении формирования сервисной модели взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков, основанной на использовании цифровых технологий и снижении административной нагрузки на бизнес [2]. Такая модель предполагает постепенный переход от репрессивного характера налогового контроля к профилактическому, ориентированному на предотвращение правонарушений.

Предпосылки цифровой трансформации налогового контроля носят комплексный характер и обусловлены развитием цифровой экономики. Увеличение количества электронных транзакций, развитие электронной коммерции и дистанционных форм ведения бизнеса существенно усложнили процессы налогового администрирования. Традиционные методы контроля, основанные на выборочных проверках и анализе бумажных документов, оказались недостаточно эффективными в условиях роста объёмов финансовых операций. Это обусловило необходимость внедрения автоматизированных систем анализа данных и перехода к новым формам налогового контроля.

Особое значение в данном процессе имеет внедрение риск-ориентированного подхода. Его сущность заключается в использовании аналитических инструментов для выявления налогоплательщиков с повышенной вероятностью совершения налоговых правонарушений. Такой подход позволяет концентрировать контрольные мероприятия на наиболее проблемных сегментах экономики и снижать административную нагрузку на добросовестный бизнес. В работах М. В. Мишустина подчёркивается, что современное налоговое администрирование должно строиться на принципах автоматизации, анализа больших данных и профилактики нарушений [3].

Практическая реализация цифровой трансформации налогового контроля в Российской Федерации наиболее ярко проявляется в деятельности Федеральной налоговой

службы. За последние годы была создана единая цифровая экосистема взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков, основанная на использовании электронных сервисов и автоматизированных информационных систем. Центральное место в данной системе занимают личные кабинеты налогоплательщиков, обеспечивающие возможность дистанционного взаимодействия с налоговыми органами, подачи деклараций и получения уведомлений.

Развитие электронного документооборота стало одним из ключевых факторов цифровизации налогового контроля. Возможность представления налоговой отчетности в электронной форме позволила существенно сократить временные затраты на взаимодействие с налоговыми органами и повысить прозрачность налоговых процедур. Электронный документооборот создает условия для автоматизированной обработки информации и проведения камеральных проверок без непосредственного участия должностных лиц.

Одним из наиболее значимых инструментов цифрового налогового контроля стала автоматизированная система контроля налога на добавленную стоимость — АСК НДС-2. Данная система позволяет сопоставлять данные счетов-фактур и выявлять расхождения, свидетельствующие о возможных нарушениях налогового законодательства. Использование данной системы позволило существенно сократить незаконное возмещение НДС и повысить прозрачность хозяйственных операций [3].

Не менее важным инструментом стало внедрение онлайн-касс, обеспечивающих передачу данных о расчетах в налоговые органы в режиме, близком к реальному времени. Это позволило создать систему непрерывного мониторинга розничной торговли и существенно сократить возможности для сокрытия выручки. Передача данных о расчетах в автоматическом режиме снижает риск налоговых правонарушений и способствует повышению прозрачности бизнеса.

Цифровизация налогового контроля сопровождается активным использованием информации, получаемой от кредитных организаций. Налоговые органы получают сведения о счетах и операциях налогоплательщиков в целях осуществления контроля [1]. Использование банковских данных позволяет анализировать финансовые потоки и выявлять несоответствия между задекларированными доходами и фактическими операциями.

Развитие цифровых инструментов обусловило значительное сокращение количества выездных налоговых проверок и переход к дистанционному анализу данных.

Контроль приобретает превентивный характер, основанный на непрерывном мониторинге хозяйственной деятельности налогоплательщиков. Межведомственный обмен информацией обеспечивает комплексный анализ экономической активности и позволяет выявлять несоответствия между различными источниками данных.

Судебная практика подтверждает правомерность использования цифровых технологий в налоговом контроле. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 57 закрепляет возможность использования электронных документов и сведений в качестве доказательств в налоговых спорах [4]. Это способствует формированию новой доказательственной базы, основанной на цифровых данных.

Одновременно цифровизация налогового контроля требует обеспечения защиты налоговой тайны и персональных данных. Статья 102 Налогового кодекса РФ закрепляет обязанность налоговых органов обеспечивать сохранность сведений о налогоплательщиках [1]. Использование больших массивов данных требует совершенствования механизмов информационной безопасности и правовых гарантий защиты прав налогоплательщиков.

Цифровая трансформация налогового контроля способствует повышению эффективности налогового администрирования, снижению административной нагрузки на бизнес и формированию благоприятного делового климата. Вместе с тем дальнейшее развитие налогового контроля требует совершенствования законодательства, развития технологий и обеспечения баланса между интересами государства и правами налогоплательщиков.

Внедрение технологий анализа больших данных и искусственного интеллекта открывает новые перспективы развития налогового администрирования. Использование данных технологий позволит повысить точность анализа налоговых рисков и автоматизировать значительную часть контрольных процедур. Международное сотрудничество в сфере обмена налоговой информацией также приобретает всё большее значение в условиях глобализации экономики.

Цифровая трансформация налогового контроля является важнейшим фактором модернизации налоговой системы Российской Федерации и повышения её эффективности. Использование цифровых технологий позволяет сформировать прозрачную и ориентированную на взаимодействие с налогоплательщиками систему налогового администрирования, отвечающую требованиям современной экономики.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 01.04.2026).
2. Пепеляев, С. Г. Налоговое право: учебник / С. Г. Пепеляев. — М.: Альпина Паблишер, 2015. — 800 с.
3. Мишустин, М. В. Информационно-технологические основы государственного налогового администрирования в России: монография / М. В. Мишустин. — Москва: ЮНИТИ, 2005. — 251 с.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. — 2013. — № 10.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Право прокурора на оспаривание решений и определений третейского суда в гражданском процессе: пределы, основания и проблемы реализации

Корчагина Милена Вадимовна, студент;

Цветкова Ульяна Артемовна, студент

Научный руководитель: Лебедев Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В современном российском гражданском процессе институт третейского разбирательства играет заметную роль. Он обеспечивает оперативное и конфиденциальное разрешение споров на основе принципа автономии воли сторон. Однако такая частноправовая альтернатива государственному правосудию не должна превращаться в способ обхода закона или ущемления прав и законных интересов слабозащищенных категорий граждан. Именно поэтому активная позиция прокурора приобретает особое значение. Она выступает надежным механизмом обеспечения верховенства права и восстановления нарушенной законности.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации прямо регулирует соответствующие полномочия. Согласно части 2 статьи 418 ГПК РФ прокурор вправе обратиться с заявлением об отмене решения третейского суда, если решение третейского суда затрагивает права и охраняемые законом интересы граждан, которые по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не могут самостоятельно оспорить решение третейского суда. Часть 3 той же статьи допускает такое обращение прокурора в иных случаях, предусмотренных Кодексом, в частности когда решение касается прав и обязанностей лиц, не участвовавших в третейском разбирательстве.

Данные нормы полностью соответствуют конституционным принципам. Статья 45 Конституции Российской Федерации гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина [2]. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» возлагает на органы прокуратуры обязанность обеспечивать верховенство закона и защищать публичные интересы [3]. В условиях роста числа третейских споров роль прокурора становится стратегически важной. Она предотвращает возможные злоупотребления и укрепляет доверие к системе альтернативного разрешения споров.

Законодатель исчерпывающим образом перечислил основания для отмены решения третейского суда в ста-

тье 421 ГПК РФ [1]. Среди них выделяются недействительность третейского соглашения, нарушение процедуры формирования состава третейского суда, лишение стороны возможности представить свои объяснения, а также противоречие решения публичному порядку Российской Федерации. Прокурор обязан четко указать конкретные основания и подтвердить их доказательствами. Суд рассматривает заявление в судебном заседании с обязательным извещением всех заинтересованных лиц.

Н. А. Васильчикова обоснованно отмечает, что законодатель правильно расширил круг субъектов, имеющих право на оспаривание. Допуск прокурора в эту сферу значительно усиливает гарантии законности. Особенно это важно для защиты прав недееспособных граждан, пожилых людей и других уязвимых категорий населения.

А. А. Колесова в своих работах анализирует теоретические и практические сложности. Прокурору часто приходится заранее изучать решение третейского суда, выявлять основания для отмены и собирать доказательства в условиях ограниченного доступа к материалам дела.

Пределы полномочий прокурора строго ограничены законом. Он не вправе вмешиваться в любое третейское разбирательство по своему усмотрению. Требуются конкретные обстоятельства, указывающие на нарушение прав граждан, неспособных защититься самостоятельно, либо на затрагивание значимых публичных интересов. Срок подачи заявления составляет три месяца со дня, когда прокурор узнал или должен был узнать о вынесенном решении.

Судебная практика последовательно подтверждает эти ограничения. Районные суды отказывают в принятии заявлений прокурора при отсутствии убедительных доказательств наличия уважительных причин у граждан. Определение суда по результатам рассмотрения может быть обжаловано в кассационном порядке согласно статье 422 ГПК РФ [1]. Такая конструкция сохраняет стабильность третейских решений при наличии эффективного государственного контроля.

На практике реализация права прокурора сталкивается с существенными трудностями. Во-первых, сохраняется проблема доступа к материалам третейского разбирательства. Третейские суды не всегда оперативно предоставляют необходимые документы. Во-вторых, отмечается неопределенность в толковании понятия «уважительные причины». Это приводит к неоднородной судебной практике в различных регионах страны. В-третьих, процессуальные механизмы оспаривания определений третейского суда проработаны значительно слабее, чем для итоговых решений.

Некоторые авторы высказывают критические замечания относительно расширения полномочий прокурора. Они предупреждают о риске нарушения принципа правовой определенности и чрезмерного государственного вмешательства в частноправовые отношения. Мы считаем, что такие опасения заслуживают внимания. Однако они не должны ослаблять защитные механизмы.

Нами выдвигается предложение о необходимости более детальной регламентации порядка истребования материалов третейского дела. Целесообразно ввести обязательное судебное истребование по ходатайству

прокурора. Также следует разработать методические рекомендации для прокуроров. Эти меры существенно повысят эффективность института и укрепят доверие граждан к системе правосудия.

Право прокурора на оспаривание решений и определений третейского суда выступает важнейшим инструментом обеспечения законности в гражданском процессе. Оно эффективно балансирует частную автономию с необходимым государственным контролем. В условиях активного развития третейского разбирательства укрепление позиций прокурора приобретает особую актуальность. Это способствует надежной защите прав граждан, соблюдению публичного порядка и повышению общего уровня правовой защищенности в обществе.

Дальнейшее совершенствование нормативной базы, унификация судебной практики и активная позиция органов прокуратуры позволят преодолеть имеющиеся проблемы. Только в этом случае третейское разбирательство будет служить подлинным целям правосудия, а не обходу закона. Государство обязано и дальше развивать механизмы прокурорского надзора в данной сфере. Это обеспечит торжество справедливости и верховенства права.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. 2020 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
4. Васильчикова Н. А. Некоторые новеллы главы 46 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. — 2017. — № 3. — С. 45–62.
5. Колесова А. А. Теоретические аспекты участия прокурора в делах об оспаривании решений третейских судов // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 5.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Особенности расторжения трудового договора с работником — руководителем организации, его заместителем, главным бухгалтером при отсутствии их виновного поведения

Корягин Вячеслав Александрович, студент магистратуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье исследуются особенности расторжения трудового договора с руководителем организации, его заместителем и главным бухгалтером в случаях, не связанных с их виновным поведением. Обосновывается, что специальный порядок прекращения трудовых отношений с указанными субъектами обусловлен их особым правовым статусом, сочетающим признаки работника и представителя работодателя.

Ключевые слова: трудовой договор, руководитель организации, заместитель руководителя, главный бухгалтер, расторжение трудового договора, смена собственника имущества организации, компенсация, злоупотребление правом.

Проблематика расторжения трудового договора по инициативе работодателя в случаях, не связанных с виновным поведением работника, имеет особое значение для науки трудового права и правоприменительной практики. В подобных ситуациях работник лишается работы вследствие организационных, имущественных, корпоративных либо управленческих изменений, происходящих на стороне работодателя. В связи с этим законодатель, с одной стороны, признает за работодателем возможность прекращения трудовых отношений, а с другой — устанавливает специальные гарантии, направленные на смягчение неблагоприятных последствий увольнения.

Особое место в системе таких отношений занимают руководитель организации, его заместитель и главный бухгалтер. Указанные субъекты формально являются работниками, поскольку состоят в трудовом отношении с работодателем, исполняют трудовую функцию и подчиняются установленным правилам.

Работник одновременно выступает и как субъект, нуждающийся в трудовом правовом защите, и как лицо, приближенное к работодателю, участвующее в осуществлении организационно-хозяйственной власти. Именно эта двойственность статуса предопределяет особый режим расторжения трудового договора при отсутствии виновного поведения.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей расторжения трудового договора с руководителем организации, его заместителем и главным бухгалтером в случаях, не связанных с их виновными действиями или бездействием, а также в обосновании необходимости совершенствования правового регулирования компенсационных выплат указанным субъектам.

Классическая трудовая конструкция исходит из необходимости компенсации фактического неравенства сторон посредством гарантий, ограничений свободы работодателя и специальных процедур защиты работника [7; 8]. Вместе с тем правовое положение руководителя организации, его заместителя и главного бухгалтера не совпадает с положением обычного наемного работника.

Руководитель организации обладает двойственным правовым статусом. С одной стороны, он является работником, поскольку заключает трудовой договор, получает заработную плату, пользуется гарантиями, установленными трудовым законодательством, и может быть уволен только по основаниям, предусмотренным законом либо трудовым договором. С другой стороны, он выступает лицом, реализующим волю работодателя, представляет организацию во внешних отношениях, принимает решения, влияющие на имущественное состояние юридического лица, трудовой коллектив и интересы собственника имущества. В этом смысле руководитель организации оказывается своеобразной пограничной фигурой на стыке трудового и корпоративного регулирования [9; 10; 14].

Заместитель руководителя и главный бухгалтер также обладают специальным статусом, хотя объем их полномочий уже, чем у руководителя организации. Заместитель руководителя участвует в реализации управленческих решений и может фактически определять существенные направления деятельности организации. Главный бухгалтер, в свою очередь, обеспечивает финансово-учетную функцию, от которой зависит достоверность информации о состоянии имущества, обязательств и хозяйственных операций организации. Поэтому законодатель включает этих лиц в специальный режим увольнения при смене собственника имущества организации.

Следует подчеркнуть, что особый статус руководящих работников не отменяет их трудовую природу. Напротив, именно сочетание управленческого и трудового элементов требует особой юридической конструкции: предоставления работодателю большей свободы в прекращении трудовых отношений и одновременного закрепления компенсационных механизмов, предотвращающих произвольное лишение работника средств к существованию.

Одним из специальных оснований расторжения трудового договора с руководителем организации, его заместителями и главным бухгалтером является смена собственника имущества организации. Такое основание предусмотрено п. 4 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации [1]. Его специфика состоит в том, что оно применяется не ко всем работникам организации, а только к строго определенному кругу лиц, занимающих ключевые управленческие и финансово-организационные должности.

Смысл данного основания заключается в том, что новый собственник имущества организации получает возможность сформировать управленческое ядро, ответственное его экономическим интересам и представлениям о дальнейшем развитии организации. При этом увольнение указанных лиц не предполагает обязательного установления их виновного поведения. Сам факт смены собственника имущества организации признается достаточной юридической предпосылкой для прекращения трудового договора, но только при соблюдении установленного законом срока и гарантий.

В правоприменительных разъяснениях указывается, что к такой смене относятся, в частности, приватизация государственного или муниципального имущества, обращение имущества организации в государственную собственность, передача государственного предприятия в муниципальную собственность и наоборот, а также передача федерального государственного предприятия в собственность субъекта Российской Федерации и наоборот [2; 3]. Изменение состава участников хозяйственного общества не является сменой собственника имущества организации. Равным образом замена руководителя юридического лица арбитражным управляющим в процедуре банкротства не означает смены собственника имущества [2].

Новый собственник вправе расторгнуть трудовой договор с руководителем организации, его заместителем и главным бухгалтером не позднее трех месяцев со дня возникновения у него права собственности. Указанный срок имеет гарантийное значение: если новый собственник не реализовал право на увольнение в установленный период, последующее прекращение трудового договора по данному основанию недопустимо. В дальнейшем увольнение возможно только по иным основаниям, предусмотренным трудовым законодательством или, применительно к руководителю организации, трудовым договором.

Особая гарантия при увольнении в связи со сменой собственника имущества организации закреплена в ст.

181 ТК РФ: руководителю организации, его заместителям и главному бухгалтеру выплачивается компенсация в размере не ниже трехкратного среднего месячного заработка [1]. Данная выплата имеет компенсационную природу, поскольку призвана возместить неблагоприятные последствия прекращения трудового договора при отсутствии виновного поведения работника. При этом сама конструкция ст. 181 ТК РФ показывает, что законодатель исходит из повышенной значимости занимаемых указанными субъектами должностей и из необходимости особого имущественного обеспечения на случай прекращения трудовых отношений.

Вместе с тем следует учитывать, что компенсация по ст. 181 ТК РФ не должна рассматриваться как санкция для работодателя. Она выступает способом восстановления баланса интересов: новый собственник получает возможность изменить управленческий состав организации, а увольняемый руководящий работник получает минимальную имущественную гарантию, связанную с утратой работы не по причине виновного поведения.

Наряду со сменой собственника имущества организации трудовое законодательство предусматривает дополнительные основания прекращения трудового договора с руководителем организации. К числу таких оснований относится принятие уполномоченным органом юридического лица, собственником имущества организации либо уполномоченным собственником лицом решения о прекращении трудового договора с руководителем организации. Данное основание закреплено в п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ [1].

Особенность указанного основания состоит в том, что оно применяется именно к руководителю организации и не требует доказывания виновного поведения. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что прекращение трудового договора с руководителем организации по данному основанию не является мерой юридической ответственности. Однако такая свобода работодателя не может пониматься как произвольная: увольнение должно сопровождаться выплатой справедливой компенсации, а само решение не должно носить дискриминационный характер или являться результатом злоупотребления правом [5].

Статья 279 ТК РФ устанавливает, что при прекращении трудового договора с руководителем организации по п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ при отсутствии виновных действий или бездействия руководителя ему выплачивается компенсация в размере, определяемом трудовым договором, но не ниже трехкратного среднего месячного заработка, за исключением случаев, предусмотренных ТК РФ [1]. Тем самым законодатель соединяет повышенную свободу собственника или уполномоченного органа в вопросе смены руководителя с обязательной имущественной гарантией для увольняемого лица.

Отдельного внимания заслуживает возможность установления в трудовом договоре с руководителем организации дополнительных оснований его прекращения. Пункт 13 ч. 1 ст. 81 ТК РФ допускает расторжение трудового до-

говора с руководителем организации, членами коллегиального исполнительного органа организации по основаниям, непосредственно предусмотренным трудовым договором [1]. Такая конструкция усиливает договорное начало в регулировании труда руководителя организации и подтверждает особый характер его трудового статуса.

Однако диспозитивность в данном вопросе не должна приводить к размыванию трудовых гарантий. Дополнительные основания прекращения трудового договора должны быть сформулированы достаточно определенно, не должны противоречить принципам трудового права, не могут носить дискриминационный характер и не должны использоваться как средство обхода установленных законом гарантий. В противном случае возникает риск трансформации специального правового режима в механизм произвольного увольнения.

Наиболее дискуссионным аспектом прекращения трудового договора с вышеперечисленными категориями, при отсутствии виновного поведения, является вопрос о размере компенсации. Закон устанавливает минимальный размер компенсации — не ниже трехкратного среднего месячного заработка. Однако для ряда случаев максимальный предел прямо не определен, что создает возможность закрепления в трудовом договоре или дополнительном соглашении значительно более высоких выплат.

В юридической литературе такие выплаты получили наименование «золотых парашютов» [11; 12; 13; 15]. Повышенная компенсация может рассматриваться как объективно оправданная гарантия для лица, занимавшего должность с высоким уровнем ответственности, ограниченными перспективами быстрого трудоустройства на аналогичную позицию и повышенными репутационными рисками.

Однако, отсутствие разумных пределов компенсации может привести к злоупотреблению правом. Завышенные выплаты руководящим работникам способны нарушать интересы собственника имущества организации, кредиторов, работников, публично-правовых образований, а также самой организации как участника гражданского оборота. Особенно проблемной является ситуация, когда соглашение о повышенной компенсации заключается незадолго до увольнения, смены собственника, ухудшения финансового положения организации либо принятия решения о прекращении трудового договора.

С. Ю. Головина справедливо обращает внимание на противоречивость повышенных компенсаций: формально их установление не ухудшает положение работника, однако при определенных обстоятельствах может вступать в противоречие с принципом запрета дискриминации в сфере труда и с требованием добросовестного осуществления прав [12]. Н. Л. Лютов также указывает на необходимость оценки подобных выплат через призму баланса интересов и недопустимости чрезмерного смещения правового регулирования в пользу руководящих работников [13].

Судебная практика по вопросу повышенных компенсаций демонстрирует стремление найти предел между свободой договора и злоупотреблением правом. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что если условия трудового договора нарушают требования законодательства, общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, законные интересы организации, других работников, собственника имущества организации или иных лиц, суд вправе отказать в удовлетворении требования о взыскании выплат, связанных с прекращением трудового договора, либо уменьшить их размер [4].

Показательным является дело о взыскании компенсации в размере 220 миллионов рублей, в котором Верховный Суд Российской Федерации отказал во взыскании заявленной суммы, учитывая, в частности, отсутствие достижения ключевых показателей эффективности и снижение чистой прибыли организации [6]. Вместе с тем такой подход не должен пониматься упрощенно. Краткосрочное снижение чистой прибыли не всегда свидетельствует о неэффективности руководителя, поскольку может быть связано с инвестициями, реструктуризацией, расширением производства или иными экономически оправданными решениями. Поэтому оценка обоснованности компенсации должна быть комплексной, а не формальной.

Частично законодатель уже ограничил возможность чрезмерных выплат. Статья 349.3 ТК РФ устанавливает ограничения размеров выходных пособий, компенсаций и иных выплат в связи с прекращением трудовых договоров для отдельных категорий работников, в том числе руководителей, их заместителей и главных бухгалтеров ряда организаций с публичным участием [1]. Однако эти ограничения не охватывают всех ситуаций, потому проблема сохраняет общетеоретическое и прикладное значение.

Категория злоупотребления правом пока не получила в трудовом праве столь же детальной разработки, как в гражданском праве. В цивилистической доктрине существуют различные подходы к ее пониманию. М. М. Агарков и Н. С. Малейн рассматривали злоупотребление правом через призму правонарушения [16; 18]; В. П. Грибанов обосновывал его как особый тип правонарушения, при котором лицо действует в пределах предоставленного права, но использует недопустимые формы его осуществления [17]; М. В. Ибрагимова и Н. А. Дурново выделяли злоупотребление правом как особый тип правового поведения [19; 20]. Д. А. Матанцев указывал на необходимость учитывать субъективное отношение лица к своему поведению [21].

Для трудового права наибольшее значение имеет функциональное понимание злоупотребления правом как предела осуществления субъективного права. Сторона трудового договора может формально действовать в рамках предоставленного ей полномочия, однако использовать его способом, противоречащим назначению права, принципам добросовестности, равенства и баланса интересов. Злоупотребление правом может выра-

жаться в установлении компенсации, явно несоразмерной характеру трудовой функции, реальному вкладу работника, финансовому состоянию организации и цели компенсационной выплаты.

Использование межотраслевой аналогии с гражданским правом представляется допустимым, поскольку трудовое законодательство прямо не содержит детальной конструкции злоупотребления правом, но судебная практика фактически применяет данный принцип при разрешении споров о выплатах руководящим работникам [4; 22].

В целях повышения правовой определенности представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне критерии оценки повышенных компенсаций руководящим работникам. К таким критериям могут быть отнесены:

1. Экономическое состояние организации в период руководства соответствующего лица. Оценка должна производиться не за краткосрочный период, а минимум за три — пять лет, поскольку финансовые показатели одного года могут быть обусловлены объективными рыночными, инвестиционными или организационными факторами.

2. Срок, в течение которого лицо занимало соответствующую должность. Чем продолжительнее период управления и чем устойчивее положительные результаты деятельности организации, тем более обоснованной может быть повышенная компенсация.

3. Дата установления повышенного размера компенсации. Заключение соглашения о значительной выплате незадолго до увольнения, смены собственника имущества организации либо ухудшения финансового состояния работодателя может свидетельствовать о признаках злоупотребления правом.

4. Характер принимаемых решений и уровень ответственности. Компенсация должна соотноситься с объемом управленческих полномочий, степенью ответственности, сложностью выполняемой функции и влиянием должности на деятельность организации.

5. Перспективы последующего трудоустройства увольняемого лица. Следует учитывать конкурентную среду, уровень должности, репутационные последствия увольнения, ограничения на трудоустройство и фактическую возможность замещения аналогичной позиции.

Закрепление таких критериев позволило бы избежать двух крайностей: с одной стороны, произвольного отказа в выплате компенсации руководящему работнику, а с другой — необоснованного вывода активов органи-

зации под видом компенсационных выплат. Тем самым была бы усилена предсказуемость правового регулирования и обеспечен баланс интересов работника, работодателя, собственника имущества организации и иных заинтересованных лиц.

Расторжение трудового договора с руководителем организации, его заместителем и главным бухгалтером при отсутствии их виновного поведения обладает рядом существенных особенностей.

Во-первых, такие особенности обусловлены двойственным статусом указанных лиц. Они являются работниками, на которых распространяются гарантии трудового законодательства, но одновременно участвуют в реализации управленческой, имущественной и организационной власти работодателя.

Во-вторых, специальным основанием прекращения трудового договора с руководителем организации, его заместителями и главным бухгалтером является смена собственника имущества организации. Это основание применяется в пределах установленного законом трехмесячного срока и сопровождается выплатой компенсации не ниже трехкратного среднего месячного заработка.

В-третьих, в отношении руководителя организации действует дополнительный специальный режим прекращения трудового договора по решению уполномоченного органа юридического лица либо собственника имущества организации. Такое увольнение не является мерой юридической ответственности, не предполагает обязательного установления вины, но требует выплаты компенсации и соблюдения принципов недопустимости дискриминации и злоупотребления правом.

В-четвертых, одной из наиболее сложных проблем является определение пределов повышенной компенсации, так как при отсутствии разумных пределов такие компенсации способны превращаться в форму злоупотребления правом.

В-пятых, для совершенствования правового регулирования представляется необходимым законодательное закрепление критериев оценки обоснованности повышенных компенсаций: экономическое состояние организации за продолжительный период, срок пребывания лица в должности, дата установления компенсации, характер управленческих решений, уровень ответственности и перспективы последующего трудоустройства. Такой подход позволит обеспечить баланс интересов руководящего работника, работодателя, собственника имущества организации и иных лиц, чьи интересы могут быть затронуты прекращением трудового договора.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Приказ Роструда от 11.11.2022 № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства». СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 6.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2015 № 21 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 7.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.03.2005 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 13. Ст. 1209.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2015 № 307-ЭС14-8853 по делу № А56-31942/2013. СПС «КонсультантПлюс».
7. Таль Л. С. Трудовой договор: цивилистическое исследование. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1913. 422 с.
8. Бугров Л. Ю. Трудовой договор в России и за рубежом: монография. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 641 с.
9. Егоров А. В. Директор юридического лица: на стыке гражданского и трудового права // Закон. 2022. № 10. С. 51–64.
10. Лалетина А. С., Косякин И. А. Дуализм корпоративного и трудового права в статусе генерального директора // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 49–53.
11. Лалетина А. С., Косякин И. А. «Золотой парашют» генерального директора хозяйственного общества // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2. С. 100–102.
12. Головина С. Ю. Проблемы разрешения судами споров о «золотых парашютах» // Налоги и финансовое право. 2012. № 5. С. 207–214.
13. Лютов Н. Л. Выплаты при увольнении и договоры о неконкуренции с руководящими работниками // Lex Russica. 2017. № 10. С. 123–130.
14. Лютов Н. Л. Отраслевая принадлежность правовых норм, регулирующих труд руководящих работников // Закон. 2019. № 1. С. 80–86.
15. Войтковская И. В. «Золотые парашюты» в США и России: как это работает? // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 148–155.
16. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 424–436.
17. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2003. 410 с.
18. Малейн Н. С. Юридическая ответственность и справедливость. М.: Манускрипт, 1992. 204 с.
19. Ибрагимова М. В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: понятие, сущность, виды и последствия: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 161 с.
20. Дурново Н. А. Злоупотребление правом как особый тип правового поведения: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 27 с.
21. Матанцев Д. А. Основные подходы к пониманию сущности злоупотребления гражданским правом: критический анализ // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2012. № 2. С. 223–227.
22. Микрюков В. А. О межотраслевой аналогии в практике преодоления пробелов правового регулирования выплаты «золотых парашютов» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 100–107.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Воспрепятствование при оказании медицинской помощи

Дерябина Елизавета Сергеевна, студент

Научный руководитель: Третьяк Мария Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье рассматривается воспрепятствование оказанию медицинской помощи как самостоятельный состав преступления, предусмотренный ст. 124.1 УК РФ. Анализируется его социальная обусловленность, сущность уголовно-правового запрета, а также проблемы квалификации в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется значению временного фактора при оказании медицинской помощи и сложности установления причинной связи между действиями виновного и наступившими последствиями.

Ключевые слова: уголовное право, медицинская помощь, воспрепятствование, причинная связь, медицинские работники, общественная опасность.

Воспрепятствование оказанию медицинской помощи представляет собой одно из наиболее социально значимых преступлений современного уголовного законодательства, закреплённое в статье 124.1 УК РФ. Воспрепятствование может выражаться в создании любых помех для оказания медицинским работником помощи пациенту. При этом медицинский работник — это физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность (ст. 2 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ). Пациент — физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния (ст. 2 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ).

Появление этого состава преступления в системе уголовно-правовых норм связано с необходимостью усиленной защиты жизни и здоровья человека в ситуациях, когда медицинское вмешательство должно быть оказано незамедлительно. В условиях экстренной медицины временной фактор приобретает решающее значение: даже незначительная задержка в оказании медицинской помощи может существенно ухудшить состояние пациента, а в ряде случаев привести к смерти [1, с. 20].

Социальная обусловленность криминализации данного деяния объясняется ростом конфликтных ситуаций, возникающих при оказании медицинской помощи. На практике это выражается в различных формах поведения граждан, препятствующих работе медицинских работников: блокирование движения автомобилей скорой

помощи, отказ пропустить специализированный транспорт, создание конфликтных ситуаций на месте оказания помощи, а также физическое вмешательство в процесс оказания медицинской помощи. Несмотря на то, что такие действия часто воспринимаются как эмоциональная реакция, их последствия могут иметь крайне тяжёлый характер.

Особенностью рассматриваемого преступления является то, что уголовно-правовая оценка поведения лица формируется не только исходя из самого факта воспрепятствования, но прежде всего с учётом наступивших последствий. Именно наличие тяжкого вреда здоровью или смерти пациента придаёт деянию уголовно-правовую значимость. В связи с этим особую роль играет установление причинной связи между действиями лица и наступившими последствиями. В научной литературе подчёркивается, что данная причинная связь носит опосредованный характер, поскольку вред возникает не непосредственно от действий виновного, а через утрату времени, необходимого для оказания медицинской помощи [2, с. 318].

Важной особенностью является то, что подобные ситуации нередко развиваются в условиях высокой эмоциональной напряжённости. Граждане, находящиеся рядом с пациентом, зачастую не осознают юридических последствий своих действий, полагая, что их поведение не может повлиять на исход медицинского вмешательства. Однако практика показывает обратное: именно временные задержки, вызванные препятствиями, становятся критическим фактором, определяющим исход лечения [3, с. 59].

Практическое значение состава преступления, предусмотренного ст. 124.1 УК РФ, наиболее ярко проявляется в делах, связанных с воспрепятствованием движению и деятельности скорой медицинской помощи.

Ключевым критерием уголовно-правовой оценки является не форма поведения виновного, а его влияние на возможность своевременного оказания медицинской помощи. При этом судебная практика исходит из того, что даже кратковременное воспрепятствование может приобретать уголовно-правовое значение при наличии тяжких последствий. Таким образом, воспрепятствование оказанию медицинской помощи следует рассматривать как преступление с высокой степенью общественной опасности, обусловленной его последствиями. Его специфика заключается в том, что вред здоровью или жизни пациента возникает опосредованно — через потерю времени, критически важного для оказания медицинской помощи [4, с. 134]. Это обстоятельство требует от правоприменителя

особенно тщательного анализа всех фактических обстоятельств дела, включая медицинские показания, временные интервалы и причинно-следственные связи.

В заключение следует отметить, что эффективность применения нормы о воспрепятствовании оказанию медицинской помощи зависит не только от точности квалификации, но и от уровня правосознания общества. Формирование понимания недопустимости вмешательства в деятельность медицинских работников является важным элементом профилактики подобных преступлений. В итоге данная уголовно-правовая норма направлена на защиту наиболее значимого блага — человеческой жизни и обеспечение стабильного функционирования системы медицинской помощи.

Литература:

1. Иванов Н. Г. Курс уголовного права. Особенная часть. Учебное пособие — М.: Проспект, 2022.
2. Рарог А. И. Уголовное право. Уголовное право России. — М.: Проспект, 2026.
3. Абдулмуслимова Л. Г. Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине «Уголовное право (особенная часть)». — Махачкала: ДГУНХ, 2016.
4. Безверхов А. Г. Ответственность за преступления против здоровья по современному уголовному праву России. — Самара: Издательство Самарского университета, 2022.

Криминологическая характеристика личности современного преступника-террориста, её особенности

Егорова Алёна Денисовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шляпникова Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор проводит комплексный анализ личности современного преступника-террориста в контексте трансформации террористической угрозы в современном мире, выделяет новые криминологические особенности, необходимые для повышения эффективности предупредительной деятельности правоохранительных органов в указанной сфере преступлений.

Ключевые слова: личность преступника-террориста, террористическая преступность, криминологическая характеристика личности преступника-террориста, террорист-одиночник.

Актуальность криминологического анализа личности преступника-террориста детерминирована качественной трансформацией террористической угрозы в наше время. Существенный прирост регистрируемых преступлений террористической направленности, возникновение новых механизмов вовлечения граждан в соответствующую деятельность, а также интенсивное использование технологических средств обуславливают необходимость пересмотра ряда устоявшихся научных подходов. Согласно статистическим данным, в 2023 году МВД России было зарегистрировано 2382 террористических преступления, что на 6,7% больше, чем годом ранее. В 2024 году было зарегистрировано 3714 преступлений террористической направленности, рост совершения рассматриваемых преступлений составил 55,9%. За 2025 год было зафиксировано 5920 случаев совершения преступлений террористического характера, в процентном со-

отношении с ранним аналогичным периодом рост преступлений составил 59,4%, что является наибольшим значением за рассматриваемый период. Приведённые данные свидетельствуют не только о количественном росте, но и о структурных изменениях контингента лиц, вовлекаемых в террористическую активность, что требует самостоятельного научного осмысления.

В доктрине уголовного права и криминологии под личностью преступника традиционно понимается совокупность социально значимых свойств и качеств, которые во взаимодействии с конкретной жизненной ситуацией детерминируют преступное поведение [1]. Что касается личности преступника-террориста, в российской науке долгое время господствовала модель, определяющая личность террориста через такие признаки, как: невысокий уровень образования, отсутствие стабильного источника доходов, подверженность радикальным идеологическим

влияниям, отсутствие гражданства РФ. Так, например, проведённое Казберовым П. Н. социологическое исследование на основании материалов анкетирования, текстов судебных решений, а также тестирования 1007 лиц, осуждённых за преступления террористического характера, показало, что большая часть вышеперечисленных характеристик личности преступника-террориста действительно присутствует в структуре личности осуждённых за преступления террористической направленности [2]. Следовательно, такие характеристики являются значимым криминогенным фактором, необходимым для определения личности преступника-террориста.

Однако последние события, происходящие на территории Российской Федерации, свидетельствуют о появлении нового типа личности, вовлекаемой в террористическую деятельность, которая отличается от привычной модели личности преступника-террориста. В наши дни в террористическую деятельность вовлекаются законопослушные граждане, ставшие жертвами телефонного мошенничества. Министерство Внутренних Дел Российской Федерации на своём официальном сайте отмечает, что «аферисты начинают разговор с потерпевшими, используя стандартные приёмы: сообщают о подозрительных переводах с их банковского счёта, о попытках взять кредит или же предлагают «помочь» правоохранительным органам остановить преступников. Далее мошенники под предлогом «возврата денежных средств» или «мести похитителям» требуют совершить поджог объектов военной, транспортной или банковской инфраструктуры» [3]. С точки зрения криминологической науки, данная категория лиц кардинально отличается от привычных преступников-террористов по мотивационным характеристикам. Действия таких лиц детерминированы обманом, страхом или ложным представлением о том, что они содействуют правоохранительным органам. Так, например, Первый Западный окружной военный суд приговорил к десяти годам колонии общего режима 59-летнюю ранее не судимую жительницу Санкт-Петербурга за поджог военкомата. Ей была инкриминирована статья о террористическом акте. С женщиной связались телефонные мошенники, которые убедили её в том, что неизвестные пытаются похитить денежные средства с её счёта. Мошенники сначала заставили перевести женщину как собственные, так и кредитные денежные средства на «безопасный» счет, а затем убедили «помочь поймать» преступников путём поджога здания «коктейлем Молотова», в котором прячутся «мошенники» [4]. Рассматриваемое уголовное дело демонстрирует несовпадение личности виновного лица с классическим портретом преступника-террориста. В приведённом примере, действия женщины были детерминированы ложным представлением о содействии правоохранительным органам, а не привычным преступникам-террористам идеологическим и корыстным мотивам. Отличительная особенность таких преступлений заключается в том, что в них вовлекаются все возрастные группы населения: от несовершеннолетних до пенсионеров.

Другой значимой тенденцией преступности террористического характера выступает рост количества преступлений, совершаемых террористами-одиночками. Ранее террористическая деятельность ассоциировалась с иерархически организованными группами и сообществами, сейчас же всё большую угрозу представляют индивиды, действующие вне формализованных структур. Так, в соответствии с данными, представленными Глобальным индексом терроризма, в 2024 году большинство терактов на Западе в настоящее время совершаются отдельными лицами, которые радикализируются через социальные сети, игровые платформы и приложения для обмена зашифрованными сообщениями [5]. Указанная тенденция проявляется и в правоприменительной практике Российской Федерации. Так, например, уголовное дело возбуждено в отношении террориста-одиночки в 2023 году в отношении жителя Карачаево-Черкесии, который готовил теракт в здании республиканского управления ФСБ. Южный окружной военный суд установил, что преступник в период с 2021 по 2022 годы публиковал видеоролики с призывами к террористической деятельности, а затем связался с лицом, входящим в запрещённую в Российской Федерации международную организацию, который, в свою очередь, дал ему задание совершить теракт. Мужчина решил устроить взрыв в здании управления ФСБ по Карачаево-Черкесской республике, для чего изготовил самодельное взрывное устройство. Преступника задержали, не дав ему совершить задуманное преступление [6]. Таким образом, мужчина действовал полностью самостоятельно, вёл пропаганду в сети, изготовил взрывное устройство и выбрал целью своего преступления здание ФСБ. Специфика такого типа преступления заключается в отсутствии прямых связей с террористическими организациями, что существенно затрудняет оперативно-розыскную деятельность и делает его действия менее предсказуемыми.

Ещё одной существенной тенденцией является использование беспилотных летательных аппаратов в качестве совершения террористического акта. Главным военным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации возбуждено уголовное дело в отношении оператора беспилотного летательного аппарата воинских формирований Украины. Следствием установлено, что мужчина, находясь на территории Украины, осуществил запуск и пилотирование БПЛА, снаряженного боеприпасом и взрывчатыми веществами, при помощи которого нанёс удар по с. Гудовка Погарского района Брянской области, который повлёк смерть одного человека. Мужчину подозревают в совершении террористического акта на территории Российской Федерации [7].

Приведённые примеры свидетельствуют об изменении личности современного преступника-террориста. К традиционным характеристикам личности добавляются новые: владение высокотехнологичными средствами, требующее специальных знаний и навыков, а также дистанционный способ совершения преступления. Помимо этого, правоприменительная практика подтверждает,

что организаторы террористической деятельности всё чаще используют обманутых и дезориентированных граждан, субъективный контроль которых над ситуацией практически отсутствует. Такие изменения ставят перед наукой и практикой вопрос о необходимости пересмотра подходов к оценке общественной опасности личности таких исполнителей и о разработке эффективных механизмов ранней профилактики.

Проведённый анализ позволяет выявить криминологические характеристики преступника-террориста через следующие группы признаков:

1. Социально-демографические: сохраняется прежняя система характеристик, присущих преступникам-терро-

ристам, однако, наряду с ней фиксируется появление значительной прослойки лиц, не обладающих устойчивыми криминальными установками.

2. Нравственно-психологические: существуют два разнонаправленных типа преступников, одни являются идеологически убеждёнными исполнителями, другие являются жертвами телефонного мошенничества; одновременно с этим возникают террористы-одиночки, радикализированные посредством сети Интернет.

3. Уголовно-правовые: наблюдается увеличение удельного веса преступлений, совершённых с использованием беспилотных летательных аппаратов, а также деяний, реализуемых вне устойчивых террористических групп.

Литература:

1. Жубрин Р. В. Личность преступника // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-2> (дата обращения: 04.05.2026).
2. Казберов П. Н. Социально-демографический портрет осуждённых за терроризм // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 130–134.
3. МВД России предупреждает: телефонные мошенники хотят сделать своих жертв диверсантами и террористами // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/news/item/40621516/> (дата посещения: 01.04.2026).
4. 59-летняя петербурженка получила 10 лет за поджог военкомата // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6782177> (дата посещения: 01.04.2026).
5. Глобальный индекс терроризма 2025 // ReliefWeb URL: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2025> (дата посещения: 01.04.2026).
6. Россиянин заготовил бомбу для ФСБ // LENTA. RU URL: <https://lenta.ru/news/2025/09/11/rossiyanin-zagotovil-bombu-dlya-fsb/> (дата посещения 02.04.2026)
7. Установлен ещё один оператор БПЛА ВФУ, совершивший террористический акт в Брянской области // Следственный Комитет Российской Федерации URL: <https://sledcom.ru/news/item/2058995/> (дата посещения: 02.04.2026)

Роль органов прокуратуры в выявлении латентной преступности на современном этапе

Пирогова Диана Андреевна, студент магистратуры

Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются основные причины существования скрытой преступности, определяется роль органов прокуратуры в ее выявлении. Отмечается, что среди причин скрытой преступности особое место занимают нарушения учетно-регистрационной дисциплины, незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, а также недостатки в деятельности правоохранительных органов. На основе статистических данных МВД России, Банка России и органов прокуратуры исследуется соотношение официально зарегистрированной преступности и фактического уровня криминализации российского общества. Определяется роль органов прокуратуры в борьбе с латентной преступностью, особое внимание уделяется формам участия прокуратуры в выявлении латентной преступности. Делается вывод о том, что эффективное осуществление прокурорского надзора является необходимым условием обеспечения законности, укрепления правопорядка и снижения уровня латентной преступности.

Ключевые слова: латентная преступность, прокурорский надзор, органы прокуратуры, регистрация сообщений о преступлениях, выявление преступлений, законность.

Согласно статистическим данным о состоянии преступности, сформированным в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429, в период с января по март 2026 года

в стране зарегистрировано 396,5 тыс. преступлений, или на 16,7% меньше, чем за аналогичный период прошлого года (при этом за январь-декабрь 2025 года было зарегистрировано 1771,2 тыс. преступлений [1]. В янва-

ре-декабре 2024 года зарегистрировано 1911,3 тыс. преступлений, а за аналогичный период 2023 года было зарегистрировано 1947,2 тыс. преступлений.

При этом, согласно сведениям Центрального Банка России по итогам I квартала 2026 года количество только мошеннических операций, о которых клиенты заявили в банки, составило 495,8 тыс., общий объем похищенных средств — 7,4 млрд рублей [2].

Не углубляясь дальше в сравнение, на примере данных о фактах совершения мошенничества наглядно видна разница официальных статистических показателей преступности и реального уровня криминализации общества. В следствие этого возникает вопрос о том, почему существенная часть преступлений остается скрытой?

Одним из первостепенных факторов являются недостатки деятельности правоохранительной системы, проявляющиеся не только в несовершенстве механизмов учета преступлений, но и в непосредственной деятельности её сотрудников. Согласимся с позицией Королёвой М. В., отметившей, что «получается замкнутый круг: рост искусственной латентности, происходящий по вине правоохранительных органов, стимулирует и рост естественной латентности, связанной с нежеланием людей обращаться в правоохранительные органы» [3].

В связи с этим представляется актуальным вопрос рассмотрения средств снижения латентной преступности посредством использования правовых механизмов воздействия. Одним из таких механизмов, на наш взгляд, является прокурорский надзор. Он представляет собой систему действий, осуществляемых органами прокуратуры, направленных на контроль за соблюдением законности в деятельности государственных и муниципальных органов, а также отдельных должностных лиц, с целью обеспечения прав и свобод граждан, предупреждения правонарушений и поддержания общественного порядка. Данный надзор реализуется посредством проверки законности действий различных субъектов, анализа правоприменительной практики, а также принятия мер прокурорского реагирования.

Одним из важнейших направлений деятельности прокуратуры является надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. В рамках указанных полномочий сотрудники органов прокуратуры осуществляют проверку законности принятых следователем (дознавателем) решений об отказе в возбуждении уголовных дел, надзирают за соблюдением требований законодательства при регистрации сообщений о преступлениях и принимают меры по устранению выявленных нарушений.

Деятельность прокуратуры в рассматриваемой сфере имеет принципиальное значение, поскольку именно прокурорский надзор позволяет выявлять факты сокрытия преступлений от учета и обеспечивать восстановление нарушенных прав граждан.

Одной из важнейших форм прокурорской деятельности является контроль за соблюдением порядка приема,

регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях. Именно на стадии регистрации нередко формируется искусственная латентность преступности, когда должностные лица правоохранительных органов уклоняются от учета преступлений в целях улучшения статистических показателей. Так, например, только за два месяца 2026 года (январь-февраль) сотрудниками органов Прокуратуры Саратовской области было выявлено 9,703 фактов нарушений регистрационной дисциплины, что на 0.4% больше, чем за тот же период 2025 года. При этом за январь-декабрь 2025 года было выявлено в ходе прокурорского надзора 50 314 фактов нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, что на 1,1% меньше, чем в 2024 году (50 870) [4].

Несмотря на незначительное снижение общего количества выявленных нарушений в 2025 году по сравнению с 2024 годом, показатели начала 2026 года демонстрируют тенденцию к их росту. Поэтому прокуроры должны регулярно проводить проверки книг учета сообщений о преступлениях, анализировать материалы процессуальных проверок, сопоставлять сведения из различных информационных систем и таким образом, выявлять случаи сокрытия преступлений от регистрации.

Существенная часть латентной преступности формируется также вследствие вынесения незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. В этой связи прокурорский надзор за законностью процессуальных решений органов дознания и предварительного следствия имеет особое значение.

Прокуроры вправе отменять незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и направлять материалы для дополнительной проверки. На практике именно благодаря прокурорскому вмешательству нередко выявляются ранее скрытые преступления экономической, коррупционной и должностной направленности. Так Прокуратурой Саратовской области за январь-февраль 2026 года было возбуждено 712 уголовных дел по результатам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, что на 15.8% больше, чем за тот же период 2025 года. В период времени с января-декабрь 2025 года было отменено 15,672 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а за тот же период 2024 16 734 постановлений [5].

Еще одной важной формой участия прокуратуры в выявлении латентной преступности является координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Прокуратура организует межведомственное взаимодействие между МВД, Следственным комитетом, ФСБ, Росфинмониторингом и иными структурами. Особое значение координационной деятельности прослеживается в сфере противодействия организованной преступности, коррупции и киберпреступности, где выявление преступлений требует межведомственного обмена информацией [6].

Прокуратура также активно использует аналитические методы выявления скрытой преступности.

Сопоставление статистических показателей, мониторинг динамики преступности, анализ резких изменений уровня зарегистрированных преступлений позволяют выявлять признаки искусственной латентности.

Особое значение имеет анализ преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий. По данным Генеральной прокуратуры РФ, количество таких преступлений продолжает расти.

При этом значительная часть киберпреступлений остается латентной вследствие анонимности преступников, сложности установления юрисдикции и нежелания потерпевших обращаться в правоохранительные органы. В этой связи органы прокуратуры применяют методы цифровой аналитики и межведомственного обмена данными для выявления скрытых преступлений.

Значительное количество скрытых преступлений выявляется органами прокуратуры и при рассмотрении обращений граждан, публикаций в СМИ и материалов сети Интернет. Граждане нередко обращаются в прокуратуру после отказов правоохранительных органов в возбуждении уголовного дела либо при бездействии их должностных лиц. Такие обращения становятся основанием

для проведения прокурорских проверок и выявления ранее скрытых преступлений.

Особенно актуальным данное направление является при выявлении коррупционных преступлений, преступлений в сфере ЖКХ, трудовых правонарушений, а также преступлений против несовершеннолетних.

В современных условиях прокуратура также активно использует мониторинг цифрового пространства. Анализ интернет-ресурсов, социальных сетей и электронных платформ позволяет выявлять признаки противоправной деятельности, которая ранее оставалась скрытой от правоохранительных органов.

Таким образом, органы прокуратуры играют ключевую роль в выявлении скрытых преступлений, благодаря осуществлению надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия, контролю за регистрацией сообщений о преступлениях и координации деятельности правоохранительных органов. Поэтому совершенствование системы прокурорского надзора является необходимым условием обеспечения законности, укрепления правопорядка и реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Литература:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — март 2026 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn-b1aew.xn-plai/reports/item/84420054/> (дата обращения 17.05.2026).
2. Противодействие мошенническим переводам: итоги I квартала. Официальный сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=28540> (дата обращения 17.05.2026).
3. Королева М. В. К оценке уровня криминализации российского общества // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 7 (35). С. 127.
4. Основные результаты прокурорской деятельности прокуратуры Саратовской области за 2 месяца 2026 г. Официальный сайт Прокуратуры Саратовской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_64/activity/statistics/office/result/e8436129/ (дата обращения 17.05.2026).
5. Черчесов, Т. А. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью / Т. А. Черчесов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 32 (479). — С. 103–108. — URL: <https://moluch.ru/archive/479/105386>.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Влияние различий в государственной стандартизации нарезного огнестрельного оружия на идентификацию по следам на пулях и гильзах

Курков Михаил Александрович, студент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Стандартизация огнестрельного оружия имеет важное значение не только при производстве и правовом обороте, но и при производстве судебно-баллистического экспертного исследования.

Исследование и идентификация нарезного оружия по следам на пулях и гильзах имеет важное значение для всеобъемлющего и точного решения по уголовному делу. Эксперту необходимо в полном объеме изучить конструкцию, положение частей и механизмов, установить способы и указать характерные черты обработки частей и механизмов. Также эксперт решает вопрос о происхождении патрона и способе производства, устанавливает и изучает определенный круг патронов, которые могут быть использованы в исследуемом огнестрельном оружии, изучаются характеристики патрона и отдельных его частей (гильза, пуля, капсюль, метательный заряд). При производстве исследования, объектами которого являются оружие и патроны отечественного производства, эксперт вправе получать справочную информацию при сравнении с натурными коллекциями, и зарегистрированных заводом-изготовителем тактико-технических характеристик, но основное внимание уделяется именно ГОСТам, по которым нарезное оружие и патроны к нему произведены, зарегистрированы и сертифицированы.

Особенным является исследование, объектами которого являются образцы иностранного производства. Зарубежное нарезное огнестрельное оружие и патроны имеют особенности, которые, зачастую, имеют большое различие от образцов отечественного производства. Стандартизация регламентирует технические условия производства, либо носит рекомендательный характер, в зависимости от страны-производителя. Устанавливаются пределы (допуски) для ключевых параметров, это прямо влияет на характер следов, с которыми необходимо осуществлять работу.

Так, стандартизация влияет на групповые признаки и конструктивные параметры. В США распространен калибр .223 Remington (5.56 x 45 мм), в Российской Федерации распространение получил калибр 5.45 x 39 мм. При проведении исследования нарезного огнестрельного

оружия и патронов иностранного производства, которые включены в систему стандартов Североатлантического альянса (STANAG), эксперту необходимо знать специфику стандартного патрона оружия НАТО (Организация Североатлантического договора), изучить соответственные нормативные стандарты блока. При недостоверном изучении: стандарта, модели огнестрельного оружия, штатного патрона к нему, соответствующих документов, свидетельствующих о способе производства и месте изготовления нарезного оружия, возможно формулирование неверного и ошибочного вывода о проведенном исследовании, разрушение и повреждение объектов.

При идентификации нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях также необходимо учитывать стандарты и исторически сложившиеся измерения калибра ствола. Помимо различий в системах измерения, в рекомендательных и добровольных стандартах Соединенных Штатов Америки, которые устанавливает организация (SAAMI), описано, что измерение калибра в США производится по дну нарезов канала ствола, согласно ГОСТам, в РФ измерение производится по полям нарезов.

Ввиду различий в стандартах измерений калибра нарезного оружия, также может быть выявлено особое влияние стандартов стран-изготовителей огнестрельного оружия, при исследовании выстреленных пуль. Эксперту необходимо учитывать, что при исследовании пули, ранее являющейся составной частью патрона иностранного производства, целесообразно проводить измерение по стандартам, которые установлены страной-производителем. Для США характерно измерение по следам от донной части нарезов канала ствола. Так, в патронах 9x19 Parabellum, .38 Sp., 357 Magnum и 9x18 ПМ (Макарова) указываются единые значения диаметра пули, согласно наименованию патронов, диаметр пуль составляет 9 мм, но при измерении иностранных пуль, значение диаметра будет равно 9,02 мм. При измерении диаметра пули отечественного производства будет установлено, что диаметр составляет 9,25 мм. Различие обуславливается тем, что в западных странах калибр измеряется по дну наре-

зов канала ствола, а на территории стран СНГ — по полям нарезов.

Также при исследовании и идентификации нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях и гильзах, эксперту необходимо изучать и обновлять информацию о производстве огнестрельного оружия и патронов иностранного производства, а именно, эксперту-баллисту стоит учитывать характер и степень допусков производства оружия и патронов. Стандартизация регламентирует технические условия производства, устанавливая допустимые пределы (допуски) для ключевых параметров. Это прямо влияет на характер следов, с которыми работает эксперт.

Ввиду применения различных веществ и материалов, способов их обработки, на микроскопическом уровне могут быть выявлены характерные для примененных материалов и способов обработки следы (микрорельеф). Примером может стать применение различных допусков металлов и способов при производстве стволов нарезного оружия. При производстве нарезного огнестрельного оружия в Соединённых Штатах Америки используется сталь с маркировкой 416R. Согласно военному стандарту MIL нарезки канала ствола изготавливаются методом дорнования, который заключается в протяжке твёрдого стержня с выемками для полей и выступами для нарезов. Дорн продавливает сквозь канал ствола, в результате образуются нарезки с необходимыми параметрами. Также может быть использован такой метод, как ротационная ковка. Суть ротационной ковки состоит в том, что заготовка, в строгом симметричном обжатии, располагается с внутри расположенной оправкой-дорном, на котором выполнен обратный профиль нарезов. Удары молотов деформируют металл, и на ее внутренней поверхности отображается профиль оправки. Как правило при радиальной ковке не образуются какие-либо «метки» [1].

Стандарты Российской Федерации, а именно ГОСТ Р 50529–2015, указывает строго закрепленные правила изготовления стволов нарезного оружия и требования к металлу, его обработки. Для боевого ручного стрелкового огнестрельного оружия, на современном этапе, применяется как метод классического дорнования, так и электроэрозионный способ формирования нарезов канала ствола, изготовленного из металла маркировки 30ХРА. Метод заключается в выжигании металла специальным электродом до необходимого размера нарезов канала ствола.

В результате применения странами-производителями различных методов производства, эксперт, осуществляющий идентификацию нарезного огнестрельного оружия, уделяет особое внимание вторичным следам и следам от донной части нарезки канала ствола, а именно микрорельефу, который отражает внутреннюю часть канала ствола на пуле или её оболочке. Различные методы изготовления отображают свои собственные признаки, которые характерны только для определенного способа обработки и металла. При изготовлении нарезов канала ствола методом протяжки, металл подвергается значительному

давлению, образуются соответственные трассы «напряжения» металла, которые впоследствии обрабатываются методом обжига металла и электрохимической обработкой, в результате чего особенность микроскопического рельефа представляется в виде валиков и бороздок. В результате электроэрозионного способа формирования нарезов канала ствола боевого ручного стрелкового оружия РФ, в микрорельефе ствола отображаются микро раковины, которые оставляют на пулях параллельно широкие трассы, в виде валиков и бороздок.

Влияние стандартизации на судебно-экспертную деятельность, а именно влияние на идентификацию по следам на пулях имеет существенное значение. При исследовании вторичных следов, эксперт может столкнуться со специфическими отображениями на пуле. Специфика заключается в отображениях на пулях, которые были выстрелены из оружия с полигональной нарезкой (нарезкой Витворта (Hexagonal англ.). Данный вид нарезки является стандартизированным для пистолетов: Glock 17–21 [2], H&K PSG1, Desert Eagle и т. д. Как правило, такой вид нарезки канала ствола применяется только для внутреннего рынка США. В Российской Федерации традиционным остается прямоугольная форма нарезки канала ствола. Ввиду производственных различий при выстреле пули из иностранных образцов, указанных выше, и пистолета Ярыгина, на пулях, которые были выстрелены из образцов США будут образованы специфические углубления, но с меньшей информативностью в микрорельефе, чем в образце, выстреленном из пистолета Ярыгина.

При осмотре конструкции нарезного огнестрельного оружия эксперт обязан оценить состояние оружия, указать положение частей и механизмов на момент осмотра. При осмотре и описании частей и механизмов оружия иностранного производства эксперт обязан сослаться на нормативные документы, ГОСТы, натурные коллекции и личные коллекции. Как уже отмечалось выше, в Соединённых Штатах Америки единая производственная и правовая стандартизация гражданского оружия отсутствует. В Российской Федерации, эксперт, исследующий конструкцию иностранного производства, может столкнуться с тем, что наименование частей и механизмов может иметь двойственное значение, либо и вовсе ошибочное, что ведет к ошибочному и неверному заключению эксперта. Примером может стать частая ошибка экспертов, которые осуществляют производство судебно-баллистического исследования.

Стандартизация нарезного огнестрельного оружия и патронов к нему является неотъемлемой частью криминалистического исследования. При идентификации оружия с нарезным стволом, эксперту необходимо руководствоваться и опираться не только на личные знания, но и на нормативные акты стандартизации оружейного производства, нормативные акты правового регулирования оборота огнестрельного оружия.

Различия в стандартизации или вовсе её отсутствие, создает большое количество трудностей перед экспертом, который проводит идентификацию нарезного ог-

нестрельного оружия по следам на гильзах и пулях. Эксперту, при поступлении объектов, которые были произведены за рубежом Российской Федерации, необходимо наиболее полно осуществлять исследование объектов. Наиболее трудной задачей может стать поиск достоверной информации о иностранном оружии и боеприпасах. Это обуславливается обостренностью отношений между странами, многие страны-изготовители не согласны предоставлять информацию о производимом оружии, как гражданского, так и боевого назначения. Как правило, эксперт самостоятельно изучает конструкцию нарезного огнестрельного оружия и патроны, без каких-либо подтвержденных заводом-изготовителем тактико-технических требований. Помимо иностранных объектов, представленных на исследование, эксперту необходимо

изучать нормативно-правовые акты, стандарты, осуществлять поиск производственных схем в сети Интернет, что соответственно увеличивает сроки производства судебно-баллистического исследования. Также увеличивается число неверно сформулированных выводов, которые определяются и конструируются на основе недостоверных источников.

В связи с вышеизложенными правилами стандартизации, примерами и теоретической базой, предоставляется возможным составить обобщающую таблицу различий в государственной стандартизации огнестрельного оружия Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации, а также указать на возможные проблемы при криминалистической идентификации огнестрельного оружия (таблица 1).

Таблица 1. Различия в государственной стандартизации огнестрельного оружия США и РФ, влияние на криминалистическую идентификацию.

Критерий сравнения	Подход в США	Подход в РФ	Влияние на идентификацию при исследовании образцов, произведенных в США
Организационная структура	Ведомственная	Централизованная	Разрозненность баз данных и методик стран может затруднить идентификацию оружия
Основной тип стандарта	Военный стандарт MIL	Национальный ГОСТ, ГОСТ РВ	Ввиду ограниченности производственной информации об оружии эксперт вынужден полагаться только на анализ следов и недостоверные источники
Основной фокус применения	Взаимозаменяемость, контроль оборота, установление технических характеристик и требований только к военному огнестрельному оружию (MIL)	Безопасность, прочность, единство всей метрологии и допусков, применяется ко всем образцам огнестрельного оружия	Жесткая стандартизация взаимозаменяемости частей и технических характеристик, порождает вариативность, стандартизация США не гарантирует внутреннего единообразия. Идентификация по следам на пуле становится не традиционной для российского эксперта
Подход к калибрам	Имперская система измерений, калибр ствола измеряется по дну нареза канала ствола	Метрическая система измерений, калибр канала ствола измеряется по полям нарезов канала ствола	Эксперт может неверно интерпретировать реальный размер канала ствола и пули иностранного производства
Маркировка и использование	Обязательная маркировка образцов, прошедших испытания, предъявляемые спецификацией MIL Маркировка гражданского оружия носит рекомендательный характер	Обязательное использование производственного клейма, которое подразумевает прохождение оружием испытаний, установленным ГОСТом возможно клеймение ГИЦ ГСО	Отсутствие информации в базах РФ. Криминальное оружие не имеет истории, является «обезличенным». Ввиду обостренности международных отношений эксперт не может получить информацию об оружии
Требования к производству и примененным материалам	— технологическая свобода при конструировании и производстве оружия — требования к материалам внешней отделки предъявляются только по военному стандарту — ориентация на экономическую эффективность и конкурентную способность	— строгая регламентация к производству, конструированию и материалам	Нестабильность слеодообразующих поверхностей. Детали могут иметь неоднородную структуру поверхности, отличительную от структуры РФ. Индивидуальный комплекс признаков может непредсказуемо меняться

Критерий сравнения	Подход в США	Подход в РФ	Влияние на идентификацию при исследовании образцов, произведенных в США
Наименование частей и механизмов	— не регламентируется государством, за наименование отвечает завод-изготовитель, в стандартах MIL применяется ведомственная терминология	— закреплено ГОСТом 28653–2018 на федеральном уровне, описываются все части и механизмы стрелкового оружия	Трудности при описании и анализе следов. Эксперт сталкивается с необходимостью сопоставления терминов при изучении следов и конструкций. Отсутствие единых стандартов затрудняет идентификацию модели без описания конструктивных особенностей

При идентификационном исследовании российский эксперт, работающий с оружием, которое было произведено на территории Соединенных Штатов Америки, может сталкиваться с множеством проблем, из которых можно выделить основные:

— отсутствие прямого доступа к эталонам. Российские лаборатории и производственный сегмент не имеют возможности массово изучать и использовать образцы иностранного производства;

— невозможность полной сравнительной идентификации конкретного образца оружия, пули и гильзы. Следы не могут быть сопоставлены с отображениями, которые хранятся в лабораторном центре ATF;

— риск ложной идентификации кратно возрастает при судебно-баллистической идентификации иностранного оружия по следам на пулях и гильзах.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что американское огнестрельное оружие, которое становится объектом судебно-баллистического исследования, представляет собой совокупность системных проблем и неопределенностей, требующих от эксперта не только высокой квалификации, но и осознанного выхода за пределы стандартных методологических подходов. Системные различия в государственной стандартизации огнестрельного оружия США и РФ создают обширный комплекс проблем.

Различия непосредственно могут влиять на процесс судебно-баллистической идентификации, а именно, могут быть выявлены нестандартные для российского эксперта отображения микрорельефа из-за иных технологий производства.

Как итог, считается целесообразным выделить, что идентификация американского оружия по следам на пулях и гильзах требует от эксперта: повышенной осторожности; углубленного анализа материалов и конструктивных решений, использованных в оружии; дополнительной терминологической работы. Также, идентификация нарезного огнестрельного оружия иностранного производства по следам на пулях и гильзах представляет собой многоплановую задачу, требующую от эксперта не только глубоких знаний в области баллистики и криминалистической техники, но и понимания специфики зарубежных систем стандартизации.

Выявленные и указанные выше различия в стандартизации превращают оружие, произведенное в США, в особую категорию объектов судебно-баллистической экспертизы в Российской Федерации, требующих индивидуального подхода и осознания рисков для эксперта, связанных с несовместимостью систем стандартизации двух стран.

Литература:

1. Кокин А. В. Современное состояние и проблемы идентификации в судебной баллистике / А. В. Кокин. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 220 с.: ил. — (Научная мысль). — DOI 10.12737/1873043.
2. Glock instruction for use [Электронный ресурс] // GLOCK, Inc.: официальный сайт. — URL: <https://us.glock.com/en/downloadable-materials> (дата обращения: 16.12.2025).
3. Основы баллистики: Учебное пособие. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. — 51 с. — EDN UXGRUX.
4. Серебряков М. Е. Внутренняя баллистика / М. Е. Серебряков, проф. д — р техн. наук; При участии проф. д — ра техн. наук Г. В. Оппокова. — 2-е изд., испр. — Москва: изд. и тип. Оборонгиза, 1949. — 671с.

Пределы доказывания в уголовном процессе: баланс между полнотой исследования и принципом разумных сроков

Магель Валерия Сергеевна, студент;

Пожиткова Анастасия Алексеевна, студент

Научный руководитель: Овчинникова Наталья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В современном российском уголовном судопроизводстве проблема определения пределов доказывания остаётся одной из ключевых и наиболее острых. С одной стороны, уголовный процесс требует всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела для установления истины и вынесения справедливого решения. С другой стороны, чрезмерное расширение доказательственной базы неизбежно приводит к затягиванию производства по делу, нарушению принципа разумных сроков и, как следствие, к подрыву доверия к правосудию в целом.

Особую значимость этот вопрос приобретает в условиях состязательного построения процесса, когда активное участие сторон обвинения и защиты, а также защита законных интересов потерпевших могут вступать в противоречие с требованием процессуальной экономии и оперативности рассмотрения дела. Постоянный рост числа жалоб на нарушение разумных сроков судопроизводства, а также многочисленные решения Европейского суда по правам человека, фиксирующие нарушения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод именно по причине чрезмерной продолжительности производства по уголовным делам в России, подчёркивают необходимость поиска оптимального соотношения между глубиной доказывания и соблюдением временных рамок.

Доказывание в уголовном процессе представляет собой регламентированную законом деятельность органов предварительного расследования, прокурора и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела (ст. 85 УПК РФ). Предмет доказывания исчерпывающе определён в ст. 73 УПК РФ и включает событие преступления, виновность лица в его совершении, форму вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер причинённого вреда, а также иные обстоятельства, имеющие значение для назначения наказания или иного решения по делу.

Пределы доказывания не имеют жёсткого законодательного закрепления и представляют собой динамическую границу, за которой дальнейшее собирание и исследование доказательств становится избыточным с точки зрения достижения целей уголовного судопроизводства. Минимальный предел установлен ч. 2 ст. 77 УПК РФ, согласно которой признание обвиняемым своей вины не может быть положено в основу обвинения без подтверждения иными доказательствами. Максимальный предел определяется внутренним убеждением суда, основанным

на всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела (ст. 17, 240 УПК РФ).

В состязательном процессе пределы доказывания во многом формируются взаимодействием сторон: бремя доказывания вины лежит на стороне обвинения (ст. 14 УПК РФ), а сторона защиты вправе представлять доказательства, опровергающие обвинение или смягчающие ответственность. Суд, в свою очередь, не связан доводами сторон и вправе по собственной инициативе истребовать дополнительные доказательства, если это необходимо для установления истины и обеспечения справедливого разрешения дела.

Принцип полноты исследования обстоятельств дела закреплён в ст. 240 УПК РФ и предполагает, что суд обязан исследовать все представленные доказательства и, при необходимости, истребовать дополнительные материалы для установления объективной истины. Полнота понимается как достаточная широта и глубина исследования предмета доказывания, позволяющая сделать надёжные и обоснованные выводы.

Принцип разумных сроков уголовного судопроизводства введён в УПК РФ Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ и конкретизирован в ст. 6.1 УПК РФ. Разумный срок включает период с момента начала уголовного преследования до момента прекращения производства по делу или вынесения окончательного судебного решения. При оценке разумности учитываются сложность дела, поведение участников процесса, объём и характер процессуальных действий, а также эффективность деятельности органов и должностных лиц (ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ). Федеральный закон от 31.07.2020 № 243-ФЗ дополнительно уточнил, что при определении разумности сроков принимается во внимание своевременность заявления потерпевшим о преступлении и его активность в процессе.

Конфликт между полнотой и разумными сроками разрешается через категорию достаточности доказательств: процесс должен продолжаться ровно до того момента, когда собранная совокупность доказательств позволяет принять законное, обоснованное и справедливое решение. Дальнейшее расширение доказательственной базы, не способное существенно повлиять на выводы по делу, признаётся избыточным и недопустимым.

Состязательность (ст. 15 УПК РФ) предполагает разделение процессуальных функций и равенство сторон в представлении и оспаривании доказательств. В состязательном процессе пределы доказывания в значительной степени определяются активностью сторон:

сторона обвинения обязана доказать вину и все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, а сторона защиты вправе требовать исключения избыточных доказательств или, напротив, представления дополнительных материалов.

Права потерпевшего (ст. 42 УПК РФ) играют особую роль в формировании пределов доказывания. Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ существенно расширил возможности потерпевшего влиять на ход процесса, включая право заявлять ходатайства о производстве следственных действий, представлять доказательства и обжаловать решения, затрагивающие его интересы. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2026 № 8-П подтвердило, что потерпевший вправе требовать полного возмещения причинённого вреда независимо от юридической квалификации деяния, что иногда требует дополнительного исследования имущественного ущерба и расширяет пределы доказывания.

Вместе с тем избыточное расширение процесса под предлогом защиты прав потерпевшего может привести к необоснованному затягиванию сроков, что само по себе нарушает права обвиняемого на разумный срок судопроизводства.

Судебная практика последних лет демонстрирует стремление к балансу рассматриваемых принципов. В Апелляционном постановлении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.03.2022 № 10-5249/2022 указано, что значительная продолжительность производства не свидетельствует о нарушении разумных сроков, если она обусловлена объективной сложностью дела и необходимостью всестороннего исследования обстоятельств.

В Решении Верховного Суда РФ от 21.06.2023 № АКПИ23-980 удовлетворено заявление о присужде-

нии компенсации за нарушение разумных сроков, однако размер компенсации был существенно снижен с учётом поведения заявителя и объёма доказательств, подлежавших проверке.

Европейский суд по правам человека в деле «Мерит против России» (решение 2024 г.) констатировал нарушение ст. 6 Конвенции в связи с чрезмерной продолжительностью производства, вызванной, в том числе, неоднократным возвращением дела прокурору для дополнительного расследования без достаточных оснований. В обзорах практики ЕСПЧ за 2020–2025 гг. неоднократно подчёркивалось, что разумный срок должен исчисляться с момента возбуждения уголовного дела, а задержки, вызванные избыточным доказыванием, подлежат компенсации.

Пределы доказывания в уголовном процессе представляют собой подвижную границу, обеспечивающую баланс между требованием полноты исследования обстоятельств дела и принципом разумных сроков судопроизводства. Состязательность сторон и активная защита прав потерпевших выступают важнейшими механизмами, предотвращающими как недостаточность, так и избыточность доказывания. Современная судебная практика Верховного Суда РФ и Европейского суда по правам человека свидетельствует о постепенном формировании единых подходов к определению достаточности доказательств и разумности сроков.

Для дальнейшего совершенствования законодательства целесообразно закрепить более чёткие критерии оценки пределов доказывания, в том числе через законодательное закрепление перечня обстоятельств, которые могут служить основанием для прекращения собирания доказательств без ущерба для установления истины и защиты прав участников процесса.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921 (ст. 6.1, 73, 85).
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части формирования института разумных сроков уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 18. — Ст. 2145.
3. По делу о проверке конституционности части второй статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации...: постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2026 г. № 8-П // Российская газета. — 2026. — 5 марта.
4. Решение Верховного Суда РФ от 21 июня 2023 г. № АКПИ23-980 о присуждении компенсации за нарушение разумного срока // СПС «КонсультантПлюс».

Координационная и аналитическая работа прокуратуры как инструмент системной профилактики процессуальных нарушений

Петухов Александр Анатольевич, студент магистратуры

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается значение координационной и аналитической работы прокуратуры в предупреждении процессуальных нарушений, допускаемых при приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях, производстве дознания и предварительного следствия, принятии процессуальных решений и обеспечении прав участников уголовного судопроизводства. Обосновывается, что разовое выявление нарушений не всегда приводит к устранению причин их повторяемости. Системная профилактика требует соединения прокурорского надзора, межведомственной координации, анализа статистических и правоприменительных данных, цифровых инструментов и методического сопровождения должностных лиц органов расследования. Особое внимание уделено проблеме формального подхода к прокурорскому реагированию и предложены пути повышения профилактической результативности прокурорской деятельности.

Ключевые слова: прокуратура, координационная деятельность, аналитическая работа, прокурорский надзор, процессуальные нарушения, профилактика правонарушений, предварительное расследование.

Соблюдение процессуальной формы в уголовном судопроизводстве имеет не только техническое, но и правоохранительное значение. Нарушение сроков проверки сообщения о преступлении, незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, необоснованное приостановление расследования, неполнота следственных действий, ограничение права на защиту или несвоевременное признание лица потерпевшим затрагивают доступ граждан к правосудию и снижают доверие к правоохранительной системе.

Прокуратура занимает особое место в предупреждении подобных нарушений. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет ее назначение как системы органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, а статья 8 данного закона прямо предусматривает координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. [1] Органы прокуратуры также названы субъектами профилактики правонарушений в Федеральном законе № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». [2] Поэтому профилактика процессуальных нарушений должна рассматриваться не как дополнительная деятельность, а как естественное продолжение надзорных и координационных полномочий прокуратуры.

В современной юридической литературе профилактическая функция прокуратуры рассматривается шире, чем простое реагирование на уже совершенное нарушение. В. В. Меркурьев деятельность прокуратуры раскрывает как элемент общей системы профилактики правонарушений, где важны организационные, правовые, информационные и методические средства воздействия. [3]

Т. Г. Воеводина, исследуя реализацию профилактической функции прокуратуры, обращает внимание на необходимость активного включения прокурорских органов в предупреждение правонарушений, а не только в последующее восстановление нарушенной законности. [4]

О. Н. Каширина связывает раннюю профилактику преступности с выявлением условий, которые предшествуют правонарушающему поведению и создают почву

для будущих нарушений. [5] В сфере уголовного судопроизводства сходная логика применима к процессуальным ошибкам: если прокурор видит, что в конкретном подразделении постоянно нарушаются сроки, отменяются однотипные постановления или игнорируются права потерпевших, предметом внимания должен стать не только конкретный материал проверки, но и вся организация процессуальной деятельности.

К. А. Корчагина выделяет проблему неопределенности предмета и содержания прокурорского надзора за органами предварительного расследования. [6] Эта неопределенность осложняет практику, поскольку прокурорский надзор должен одновременно обеспечивать законность, не подменять следователя и сохранять реальное влияние на качество процессуальных решений. А. А. Роднёнок и А. Д. Филимонов также указывают на существование нерешенных вопросов прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, связывая его с гарантиями законного и обоснованного уголовного преследования. [7] С. В. Корнакова и Е. В. Чигрина отмечают актуальные проблемы организации прокурорского надзора за органами предварительного следствия, включая соотношение надзора и ведомственного контроля. [8]

Основная проблема состоит в разрыве между выявлением процессуального нарушения и устранением причины, которая его породила. На практике прокурор нередко работает с уже готовым результатом: незаконным постановлением, просроченным материалом, жалобой участника процесса, неполным расследованием. Однако за таким результатом могут стоять более глубокие причины: перегрузка должностных лиц, недостаточная квалификация, отсутствие внутреннего контроля, неправильные шаблоны процессуальных документов, формальное исполнение указаний прокурора, слабый обмен информацией между ведомствами.

Процессуальное нарушение становится системным, когда оно повторяется в сходных условиях и не исчезает после обычных мер реагирования. В этом случае

проблема находится не только в действиях конкретного исполнителя. Она связана с организацией работы подразделения, качеством ведомственного контроля, управленческими решениями и отсутствием своевременной аналитики. Поэтому профилактика должна быть направлена не только на устранение единичного нарушения, но и на изменение условий, при которых оно воспроизводится.

Особенно заметна эта проблема на досудебных стадиях уголовного процесса. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 регулирует организацию прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и ориентирует прокуроров на реагирование при выявлении нарушений закона. [9] Однако даже подробная ведомственная регламентация не заменяет аналитической оценки практики. Если прокурор не сопоставляет данные о повторных отменах решений, жалобах, сроках расследования, судебных возвратах и исполнении указаний, надзор остается преимущественно реактивным.

Аналитическая работа прокуратуры позволяет перейти от фиксации нарушения к пониманию его причин. Ее содержание включает сбор, проверку, сопоставление и оценку информации о состоянии законности, деятельности органов расследования, характере обращений граждан, качестве процессуальных решений и результатах прокурорского реагирования.

Источниками такой информации могут быть материалы прокурорских проверок, жалобы участников процесса, отмененные постановления, сведения о нарушении процессуальных сроков, данные о возвращении дел прокурору или судом, статистика нагрузки следователей и дознавателей, результаты ведомственного контроля, судебная практика, материалы координационных совещаний. Отдельное значение имеют повторяющиеся жалобы, поскольку они часто показывают не единичную ошибку, а устойчивый дефект в работе конкретного подразделения.

Для профилактики процессуальных нарушений особенно важен факторный анализ. Он помогает разделить причины нарушений по их характеру. Одни причины связаны с правовой ошибкой: неверным толкованием нормы, неправильным применением положений уголовно-процессуального закона, слабым знанием судебной практики. Другие имеют организационную природу: отсутствие контроля за сроками, неравномерная нагрузка, недостаток взаимодействия между следователем и оперативными службами.

Без такого разделения меры реагирования становятся неточными. Если нарушение связано с неправильной организацией работы, наказание одного исполнителя не устранит проблему. Если причина заключается в неверном толковании закона, необходимы методические разъяснения и обучение. Если дефект вызван слабым межведомственным взаимодействием, требуются координационные решения, обязательные для нескольких органов.

Координационная деятельность прокуратуры имеет особое значение, поскольку многие процессуальные нарушения возникают на стыке полномочий разных органов. Ошибки при проверке сообщения о преступлении могут быть связаны с действиями оперативных подразделений, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и должностных лиц, отвечающих за регистрацию материалов. Поэтому прокурорское реагирование, адресованное только одному субъекту, не всегда дает нужный результат.

Указ Президента РФ № 567 утвердил Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; координация осуществляется с участием правоохранительных органов и направлена на повышение эффективности борьбы с преступностью. [10] В профилактике процессуальных нарушений такая координация должна использоваться для выработки согласованных решений по конкретным проблемам правоприменения.

Координационное совещание не должно превращаться в формальный обмен статистикой. Его профилактическая ценность проявляется тогда, когда на обсуждение выносятся конкретная повторяющаяся проблема: незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, нарушение сроков проверки сообщений, неполное выполнение следственных действий, слабое исполнение письменных указаний прокурора, несвоевременное признание потерпевших, необоснованное приостановление расследования. По итогам такого обсуждения должны приниматься проверяемые решения: изменение порядка взаимодействия, назначение ответственных лиц, подготовка методических материалов, проведение совместного обучения, установление сроков повторной проверки.

Координационная работа становится профилактической только при наличии контроля исполнения. Если по итогам совещания принято решение, но не проверено его влияние на практику, причина нарушения может сохраниваться.

Современная профилактика невозможна без информационных технологий. А. А. Покуль отмечает, что цифровая трансформация прокурорской деятельности направлена на повышение эффективности работы органов прокуратуры и создание условий для более быстрого выполнения надзорных задач. [11] Также подчеркивается значение цифровых технологий, электронных ресурсов и методов искусственного интеллекта в прокурорской деятельности. [12]

В профилактике процессуальных нарушений цифровые инструменты могут использоваться для формирования карты рисков. Такая карта должна показывать, в каких подразделениях чаще отменяются процессуальные решения, где систематически нарушаются сроки, по каким категориям материалов поступает больше жалоб, какие должностные лица или органы чаще допускают однотипные ошибки.

При этом цифровизация не должна подменять правовую оценку. Алгоритм может выявить повторяемость, по-

казать статистическую связь, предупредить о нарушении срока, сгруппировать жалобы по теме. Однако вывод о незаконности решения, выборе меры реагирования и наличии причинной связи остается за прокурором. Иначе профилактическая работа рискует превратиться в механическую обработку показателей без понимания содержания нарушения.

Наиболее полезной представляется единая информационно-аналитическая среда, в которой прокурор мог бы сопоставлять данные о жалобах, процессуальных сроках, отмененных решениях, результатах рассмотрения дел судом, исполнении указаний и мерах ведомственного контроля. Такая система позволила бы не только выявлять нарушения, но и видеть динамику после прокурорского вмешательства. Если после координационного совещания или внесения представления показатели не меняются, значит, принятые меры не затронули причину проблемы.

Повышение профилактической эффективности прокурорской деятельности требует перехода к единому циклу работы с процессуальными нарушениями. Он должен включать выявление нарушения, установление его причины, определение уровня проблемы, выбор меры воздействия, координационное обсуждение при межведомственном характере дефекта, контроль исполнения и повторный анализ результата.

Необходимо сформировать реестр типичных процессуальных нарушений по стадиям уголовного судопроизводства. В таком реестре должны отражаться не только виды нарушений, но и причины их возникновения: правовая ошибка, нарушение срока из-за слабого контроля, неполное взаимодействие с оперативными подразделениями, неисполнение указаний прокурора, недостаточная квалификация, формальный ведомственный контроль.

Следует развивать практику межведомственных аналитических групп. Их работа может быть организована при прокуратурах субъектов и на районном уровне. Смысл таких групп состоит не в подмене надзорных полномочий, а в подготовке качественной информации для координационных решений. В них могут обобщаться данные прокуратуры, органов дознания, следственных органов и судебной практики. Прокурор при этом сохраняет самостоятельность правовой оценки и не связывается ведомственными интересами участников.

Важным направлением является методическое сопровождение следователей и дознавателей. Если анализ показывает, что нарушения вызваны неправильным применением нормы, эффективнее дополнить прокурорское реагирование разбором типичных ошибок, подготовкой

кратких памяток, проведением учебных занятий, обсуждением судебной практики.

Нужно изменить подход к оценке результатов. Количество выявленных нарушений и внесенных актов реагирования не должно рассматриваться как главный показатель профилактической эффективности. Более точными критериями являются снижение повторяемости однотипных нарушений, уменьшение числа незаконных решений, сокращение сроков устранения нарушений, реальное исполнение координационных решений, уменьшение количества обоснованных жалоб и повышение качества процессуальных документов.

Отдельного внимания требует обратная связь с гражданами и участниками процесса. Жалобы, обращения и заявления не должны восприниматься только как повод для проверки конкретного факта. При систематическом анализе они становятся важным источником сведений о слабых местах уголовного судопроизводства. Если жалобы повторяются по одной категории дел или в отношении одного подразделения, это свидетельствует о необходимости не разовой проверки, а комплексной профилактической работы.

Координационная и аналитическая работа прокуратуры выступает важным инструментом системной профилактики процессуальных нарушений. Ее значение состоит в том, что она позволяет перейти от реагирования на единичный незаконный акт к выявлению условий, при которых такие акты становятся повторяющейся практикой. Процессуальное нарушение должно рассматриваться не только как ошибка конкретного должностного лица, но и как возможный признак организационного, методического или межведомственного сбоя.

Прокуратура обладает необходимыми правовыми возможностями для такой деятельности: надзорными полномочиями, координационной функцией, статусом субъекта профилактики правонарушений, доступом к широкому кругу информационных источников. Однако результат достигается только при соединении этих возможностей в единую систему. Аналитика выявляет причины и риски, координация превращает выводы в согласованные меры, прокурорский контроль проверяет исполнение, а повторный анализ показывает, устранена ли причина нарушения.

Таким образом, профилактика процессуальных нарушений требует отказа от формального подхода, при котором прокурорская деятельность оценивается главным образом по количеству выявленных нарушений. Более значимым становится вопрос о том, уменьшилась ли повторяемость нарушений, изменилось ли качество процессуальных решений и были ли восстановлены гарантии участников уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Федеральный закон от 17 января 1992 № 2202-I (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472; 2025. — № 52 (Часть I). — Ст. 8320.

2. Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 26 (Часть I). — Ст. 3851; 2024. — № 33 (Часть I). — Ст. 4928.
3. Деятельность прокуратуры по профилактике правонарушений: монография / под науч. ред. В. В. Меркурьева. М.: Проспект, 2023. 456 с.
4. Воеводина Т. Г. Реализация функции профилактики правонарушений несовершеннолетних в деятельности органов прокуратуры // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 3. С. 45–50.
5. Каширина О. Н. Правовые особенности деятельности органов прокуратуры по ранней профилактике преступности // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 281–290.
6. Корчагина К. А. Надзор прокурора за органами предварительного расследования: понятие, предмет и содержание // Юридический вестник Самарского университета. 2024. С. 84–92.
7. Роднёнок А. А., Филимонов А. Д. Некоторые проблемы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и меры по их разрешению. 2023. С. 38–47.
8. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Проблемные вопросы прокурорского надзора за органами предварительного следствия // Экономика. Право. Общество. 2025. С. 65–71.
9. Приказ Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 № 544 (ред. от 12.03.2026) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. — № 12. — 2021.
10. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 № 567 (ред. от 14.06.2024) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 17. — Ст. 1958; 2024. — № 25. — Ст. 3469.
11. Покуль А. А. Информационные технологии в прокурорской деятельности: учебное пособие / А. А. Покуль. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. 205 с.
12. Цифровые технологии в прокурорской деятельности: сборник материалов конференции / под ред. Н. В. Субановой. М.: ИД «Городец», 2024. 318 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Порядок привлечения иностранных лиц к субсидиарной ответственности в России при трансграничном банкротстве

Сафин Денис Алексеевич, выпускник

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье автор исследует механизм привлечения иностранных лиц к субсидиарной ответственности при трансграничном банкротстве.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, субсидиарная ответственность.

Введение
Современную экономику невозможно представить без международных экономических связей. Во многом, текущее благополучие развитых стран построено именно на этом фундаменте. Международная система разделения труда привела к интенсификации производства и рассредоточению капитала, процессов изготовления благ. Эти обстоятельства вкупе с участвовавшими случаями вывода активов перед началом процедуры несостоятельности в «теневые юрисдикции» обуславливают важность трансграничного банкротства и субсидиарной ответственности.

Важно отметить, что, регулируя сферу международной несостоятельности законодатель вынужден соблюдать баланс интересов отечественных кредиторов и иностранных инвесторов. Поскольку, при прокредиторской политике в сфере трансграничного банкротства, в частности при привлечении лиц к субсидиарной ответственности инвестиционный климат ухудшается: в какой-то степени это лишает предпринимателей права на ошибку, что мешает современному экономическому росту. С другой стороны, излишне пренебрегать интересами отечественных кредиторов нельзя поскольку это может негативно сказаться на эффективности судебной защиты их прав и даже рассматриваться как умаление суверенитета государства. Более того, такая политика неизбежно ведет к офшоризации экономики и росту теневого сектора.

Одним из важнейших инструментов защиты кредиторов при банкротстве, в том числе трансграничном, является привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

В настоящий момент вопросы трансграничного банкротства в целом и субсидиарной ответственности КДЛ в частности не имеют в Российской Федерации детального законодательного регулирования. В настоящей работе мы рассмотрим основные элементы механизма привлечения иностранных лиц к субсидиарной ответственности в России при трансграничном банкротстве.

Проблема выбора суда для привлечения иностранных лиц к субсидиарной ответственности в трансграничном банкротстве

Сегодня в России отсутствует специальное регулирование подсудности при привлечении иностранных лиц к субсидиарной ответственности в трансграничном банкротстве.

В связи с этим без однозначного ответа законодателя остаются три важных вопроса при определении суда компетентного рассматривать дело о привлечении иностранных лиц к субсидиарной ответственности в трансграничном банкротстве:

- всегда ли суд, ведущий производство о трансграничной несостоятельности, обладает исключительной компетенцией на рассмотрение обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего лица должника, или же этот спор может быть рассмотрен в процессе, не связанном с банкротством?
- В пользу какого суда должен отдаваться приоритет при конкуренции компетенций между различными судами, ведущими производство о несостоятельности [1]?

Ст. 61.16 Закона о банкротстве устанавливает, что любые заявления о привлечении к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным главой Закона о банкротстве о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, подлежат рассмотрению арбитражным судом в рамках дела о банкротстве должника, за исключением случаев, предусмотренных самим Федеральным законом.

Сегодня федеральными законами таких исключений не предусмотрено. Значит, привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности должно происходить в Арбитражном суде, ведущем производство о трансграничной несостоятельности. Практика Верховного Суда Российской Федерации подтверждает указанный вывод [2].

Проблема выбора применимого права для привлечения иностранных лиц к субсидиарной ответственности в трансграничном банкротстве

После определения суда возникает проблема выбора применимого права.

Российское законодательство не содержит специальных правил определения компетенции судов и применимого права в трансграничном банкротстве, в том числе в отношении споров о привлечении иностранных КДЛ к субсидиарной ответственности. Данный пробел в какой-то степени восполняется Судебной практикой [3], согласно которому к спорам о банкротстве на территории РФ следует применять «права государства, в котором было возбуждено дело о банкротстве» — это не что иное, как привязка *lex concursus*. Этот подход распространен в зарубежных правовых системах и даже закреплен в Руководстве ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности. [4]

Не менее важным является механизм извещения иностранного КДЛ при привлечении его к субсидиарной ответственности, поскольку без должного уведомления умаляется возможность защиты, что нарушает принцип состязательности. Очевидно, что это повлечет за собой непризнание такого решения иностранными судами. Правила и порядок извещения подчиняются Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965. Большинство государств, в том числе и Россия, признают положения этой конвенции, что облегчает взаимодействие в том числе при трансграничной несостоятельности. При этом, суду следует откладывать вынесение итогового судебного акта до тех пор, пока не будет установлено, что повестка была вручена или доставлена своевременно таким образом, чтобы ответчик мог подготовиться к своей защите.

Проблема принудительного исполнения решений иностранных судов о привлечении иностранных лиц к субсидиарной ответственности в трансграничном банкротстве

Итак, суд и применимое право выбраны, стороны извещены, решение принято. Теперь, следует рассмотреть вопрос принудительного исполнения решений иностранных судов о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности при трансграничной несостоятельности, поскольку без него все предыдущие усилия окажутся тщетными.

Согласно п. 6 ст. 1 Закона о банкротстве, «решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности признаются на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами, а при их отсутствии — на началах взаимности, если иное не предусмотрено федеральным законом» [5]. Принцип взаимности означает возможность приведения

в исполнение решения суда иностранного государства на территории Российской Федерации при условии признания на территории этого иностранного государства аналогичных решений российских арбитражных судов. Российская Федерация в настоящее время не является стороной международных договоров по делам о несостоятельности. Поэтому суды при приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений руководствуются ст. 241–246 АПК РФ, поскольку иного порядка Законом о банкротстве не установлено. Сложности вызывает и тот факт, что принцип взаимности не является общепризнанным принципом международного права, поскольку он не закреплен ни в одном международно-правовом документе универсального характера. Значит, суды вынуждены требовать от заинтересованных лиц подтверждения того, что в отсутствие соответствующего международного договора российские судебные решения исполняются в государстве, суд которого вынес решение, требующее принудительного исполнения.

О. Петерс выделяла следующие основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных актов: государство, на территории которого вынесено судебное решение, приводимое в исполнение, не следует принципу взаимности; решение не является завершающим рассмотрение спора по существу; решение вынесено при нарушении основополагающих принципов процессуального права; решение противоречит публичному порядку государства, на территории которого оно приводится в исполнение [6].

Таким образом, сторонам следует на стадии разбирательства учитывать эти требования и способствовать соблюдению (или несоблюдению) этих правил в своих интересах.

Вывод

В ходе проведенного исследования установлено, что в настоящее время в российском правовом порядке отсутствует специальное регулирование порядка привлечения иностранных лиц к субсидиарной ответственности при трансграничном банкротстве, что порождает значительную правовую неопределенность и сопряжено с рядом коллизионных и процессуальных трудностей. Общие нормы Закона о Банкротстве позволяют решить наиболее важные проблемы механизма привлечения иностранных лиц к субсидиарной ответственности в России при трансграничном банкротстве, однако оставляют открытыми более точечные проблемы правоприменения. Для эффективной защиты кредиторов и создания благоприятного инвестиционного климата необходимо разработать комплексную правовую основу коллизионного и процессуального регулирования, учитывающую специфику трансграничного банкротства и существующие международные нормы в этой сфере.

Литература:

1. Евтеев К. И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): дис... канд. юр. наук: 12.00.03: защищена 08.02.2018.
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 по делу № А22-941/2006;
3. Постановление президиума ВАС РФ от 12 ноября 2013 года № 10508/13 по делу № А40-108528/12-50-1134;
4. Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности. — Текст: непосредственный.
5. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (с изм.) // Собрание законодательства РФ. 2002. N. 43 ст. 4190.
6. Arbitration journal Механизм привлечения иностранных лиц к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве в России Петерс О. 2021. URL: <https://journal.arbitration.ru/analytics/mekhanizm-privlecheniya-inostrannykh> (Дата обращения: 10.05.2026 г.).

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 6 (58) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 18.06.2026. Дата выхода в свет: 21.06.2026.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань,

ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан, г. Казань,

ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.